

Чарльз Диккенс

ОЛИВЕР ТВИСТ

I. Место рождения Оливера Твиста и обстоятельства, сопровождавшие его рождение

К числу общественных зданий некоего города, настоящее название которого я не хочу упоминать, желая по многим причинам быть осторожным, и не нахожу в то же время нужным придумывать для него какое-нибудь вымышленное имя, принадлежал и дом призрения для бедных, какой вы можете встретить в большинстве городов, как больших, так и малых. В этом доме призрения — указанием дня и числа также не желаю утруждать себя, тем более что эта первоначальная ступень развития последующих событий не имеет особенного значения для читателя, — родился смертный, имя которого начертано в заголовке этой главы.

Спустя некоторое время после того, как смертный этот был стараниями приходского доктора водворен в мир печали и вздыханий, явилось серьезное сомнение в том, доживет ли малютка до того момента, когда ему дадут имя. В последнем случае более чем достоверно, что мемуары эти не появились бы в печати, а если бы и

появились, то заняли бы всего лишь несколько страниц, имея, без сомнения, неоцененную заслугу в том, что представили бы собой наиболее точный и крепкий образчик биографии, какие встречаются в литературе всех веков и стран.

Я не намерен вовсе утверждать, будто факт рождения в доме призрения для бедных, является сам по себе наиболее счастливым и завидным обстоятельством, какое может выпасть на долю человеческого существа; я хочу только сказать, что факт этот был только счастливой случайностью для Оливера Твиста. Дело в том, что Оливеру было бы весьма трудно применить к себе самому некоторое правило, вызывающее первый акт дыхания, — правило неприятное, но в тоже время равно необходимое для нашего существования. Некоторое время лежал малютка на маленьком матрасике, как бы колеблясь между этим миром и будущим: все шансы, само собою разумеется, были на стороне последнего. Будь Оливер в течение этого короткого времени окружен заботливыми бабушками, беспокойными тетушками, опытными нянюшками и докторами глубокой мудрости, он погиб бы неизбежно и несомненно. Но так как при нем никого не было, кроме нищей старухи, потерявшей способность рассуждать вследствие непомерного употребления вина, и доктора, исполнявшего свои обязанности по контракту, то Оливер и природа

справились с ними. Результатом этого явилось то, что после непродолжительных усилий Оливер начал дышать, чихать и, наконец, возвестил жителям дома призрения факт появления на свет обузы, тяжесть которой всецело ложилась на приход; возвестил он его криком таким громким, какого и следовало ожидать от ребенка мужского пола, получившего всего каких-нибудь три с четвертью минуты тому назад такой полезный дар, как голос.

Не успел Оливер дать доказательство собственной и свободной деятельности своих легких, как одеяло, все покрытое заплатами и кое-как брошенное на железную кровать, зашевелилось, и на подушке слегка приподнялась голова бледной молодой женщины, и слабый голос неясно произнес следующие слова: «Дайте мне взглянуть на ребенка прежде, чем я умру».

Доктор сидел в это время у камина, то растирая ладони рук, то грея их у огня. Когда молодая женщина заговорила, он встал и, подойдя к ее кровати, сказал с оттенком гораздо большей доброты в голосе, чем этого можно было ожидать от него:

— О, вам еще нечего говорить о смерти!

— Спаси, Господи, ее, бедняжку! — сказала сиделка, поспешно пряча в карман зеленую стеклянную бутылку, содержимое которой она

выпила с очевидным удовольствием, сидя в углу комнаты. — Спаси, Господи, ее, бедняжку, когда она проживет столько, как я, сэръ, и будет у нее штук тринадцать собственных детей, которые все умрут, за исключением двух, да и те будут с нею в этом доме... Не то запоет она тогда, спаси ее, Господи! Подумайте только, что значит быть матерью такого милого малютки.

Надо полагать, что такая утешительная перспектива материнского счастья произвела надлежащее действие. Больная опустила голову на подушку и протянула руку к ребенку.

Доктор положил ей его на руки. Холодными, бледными губами запечатлела она страстный поцелуй на голове малютки... провела рукой по его лицу... дико оглянулась... вздрогнула... откинулась навзничь, и... умерла. Доктор и сиделка принялись растирать ей грудь, руки и виски; но кровь остановилась навсегда.

Они говорили ей о надежде и счастье, но все это теперь уже стало чуждым для нее.

— Все кончено, миссис Тингомми, — сказал доктор.

— Бедняжечка! — сказала сиделка, закупоривая зеленую бутылку пробкой, которая выпала на подушку, когда она подошла, чтобы взять ребенка. — Бедняжечка!

— Не посылайте за мной, сиделка, когда ребенок будет кричать, — сказал доктор, натягивая на руки перчатки. — Надо полагать, он будет очень беспокойный. Дайте ему немного каши, если есть. — Он надел шляпу, но на пути к дверям остановился и сказал, — Она казалась такой здоровой девушкой. Откуда она?

— Ее принесли прошлую ночь, — отвечала старуха, — по приказанию надзирателя. Ее нашли

лежащей на улице. Она шла, должно быть, издалека, потому что башмаки у нее совсем потрепанные. Но откуда и куда она шла, никто этого не знает.

Доктор наклонился над телом и поднял левую руку.

— Старая история, — сказал он, качая головой; — обручального кольца не видать... Эх!.. Спокойной ночи!..

Джентльмен медицины поспешил на обед; сиделка, приложившись еще раз к зеленой бутылке, села на стул у камина и занялась облачением ребенка.

Каким чудным доказательством всемогущества одежды был юный Оливер Твист! Завернутый в одеяльце, которое до этой минуты было его единственной покрывкой, он с одинаковым успехом мог быть принят как за ребенка дворянина, так и за ребенка нищего, и даже самый уверенный в себе человек с трудом мог бы определить настоящее положение его в обществе. Теперь же, когда на него надели старое коленкоровое платье, пожелтевшее на такой же точно службе, он был навсегда отмечен и сразу занял подобающее ему место — приходского ребенка, сироты дома призрения для бедных — жалкого, полуголодного горемыки, наделяемого со всех сторон пинками и побоями, презираемого

всеми и не пользующегося ничьим состраданием.

Оливер кричал громко. Имей он возможность знать, что он сирота, предоставленный произволу церковного старосты и надзирателей, он кричал бы еще громче.

II. Как рос Оливер Твист, его воспитание и впечатления

Следующие за этим восемь или девять лет Оливер был жертвой систематических надувательств и невероятных плутней. Вырастили его на соске. Власти дома призрения для бедных добросовестно донесли властям прихода о голодном и лишенном всего необходимого ребенке сироте. Власти прихода с полным сознанием своего достоинства запросили властей дома призрения, нет ли у них какой-нибудь женщины, постоянно живущей в их «доме», которая могла бы доставить Оливеру Твисту утешение и пищу, в которых он так нуждается. Власти дома призрения почтительно отвечали, что таковой у них не имеется. В ответ на это власти прихода решили великодушно и человечно, что Оливер должен быть отдан на «ферму» или, говоря другими словами, переведен в отделение дома призрения, находящееся от него всего в трех милях расстояния, где помещалось от двадцати до тридцати юных нарушителей законов о

бедных; там они валялись целый день на полу, не страдая от неудобств слишком большого количества пищи или слишком большого количества одежды, и находились под надзором пожилой женщины, которая принимала к себе этих нарушителей за семь с половиной пенсов в неделю с каждой маленькой головки. Семь с половиной пенсов в неделю — кругленькая сумма для ребенка; много чего можно достать за семь с половиной пенсов, которых совершенно достаточно для того, чтобы не переполнить желудка и тем не причинить ему некоторых неудобств. Пожилая надзирательница была женщина мудрая и опытная; она прекрасно знала, что полезно для детей и с замечательной предусмотрительностью делала то, что полезно для нее. Так, на собственные нужды она брала большую часть еженедельной стипендии, вследствие чего подрастающее поколение прихода получало гораздо более умеренную порцию, чем та, которая предназначалась ему. Этим способом она и доказала на деле, какой она опытный философ и как тонко понимает, где раки зимуют.

Многим знаком, вероятно, рассказ о другом опытном философе, который придумал теорию о том, будто лошадь может жить без пищи, и в доказательство демонстрировал собственную свою лошадь, доведя порцию ее пищи до одной соломинки в день; весьма возможно, что при таком

режиме она достигла бы высшей степени быстроты и резвости, не умри она за двадцать четыре часа до того, как должна была получить вместо соломы уже только порцию воздуха. К несчастью для опытной философии пожилой надзирательницы, под чье покровительство был отдан Оливер Твист, такие же результаты получались и в применении ее собственной системы. В ту самую минуту, когда ребенок настолько уже совершенствовался, что мог существовать при наименее возможной по количеству порции наиболее худой по качеству пищи, он вдруг (восемь с половиною случаев на десять) погибал неожиданно или от голода и холода, или по недосмотру попадал в огонь, или неожиданно подвергался удушению. Во всех подобных случаях несчастное маленькое существо переселялось в другой лучший мир и соединялось там с предками, которых никогда не знало.

В некоторых, более обыкновенного потрясающих случаях, собирался суд присяжных для производства следствия относительно ребенка, который был задушен по недосмотру перестилавших кровати или обварен в то время как его купали, — последнее случалось реже, ибо купанье было редким явлением на ферме. Присяжные задавали при этом крайне неудобные вопросы, а прихожане вдобавок составляли возмутительный протокол, под которым все они

ставили свои подписи, но наглость такого рода обуздывалась показаниями доктора и сторожа; первый вскрывал обыкновенно тело и ничего не находил внутри (что было весьма вероятно), а второй под присягой говорил все то, что могло успокоить приход и доказать его собственное самоотвержение. На ферму, кроме того, являлась время от времени проверочная комиссия, которая за день вперед посылала сторожа уведомить о своем посещении. Дети были всегда такие миленькие и чистенькие, когда являлась комиссия. Чего же еще нужно было людям!

Трудно было ожидать поэтому, чтобы продуктом такой системы явилось особенно здоровое тело. Когда Оливеру Твисту исполнилось девять лет от рождения, он был бледен и худ, мал и тщедушен. Зато природа, а может быть, и наследственность, дали ему бодрый, здоровый дух, который мог свободно развернуться благодаря отсутствию преобладания над ним материальной стороны в жизни заведения, хотя последнее обстоятельство могло привести к тому, чтобы девятой годовщины рождения и совсем не было. Девятая годовщина, однако, наступила и застала Оливера в подвале с углем, где он находился в избранном обществе двух других молодых джентльменов, которые, разделив с ним достаточное количество колотушек, были заперты

туда за то, что осмелились предположить, будто они голодны. Не успела миссис Менн, добрая леди этого дома, запереть их, как была раздражена неожиданным появлением мистера Бамбля, сторожа, напрасно старавшегося открыть калитку в воротах.

— Боже милостивый! Это вы, мистер Бамбль, сэръ? — сказала миссис Менн, выглядывая из окна с искусно выраженным видом искренней радости. — (Сусанна, сведи Оливера и тех двух мальчишек наверх и умой их хорошенько!) Бог мой, мистер Бамбль! Как я рада видеть вас, право!

Но мистер Бамбль, человек тучный и холерического темперамента, вместо ответа на такое чистосердечное приветствие потряс изо всех сил калитку и затем нанес ей такой удар, которого только и можно было ждать от ноги здоровенного приходского сторожа.

— Подумайте! — сказала миссис Менн, выбегая из комнаты, (мальчики тем временем были уже уведены из подвала) — подумайте! И как я могла забыть, что ворота заперты изнутри!.. Все это ради дорогих малюток! Войдите, сэръ! Войдите, мистер Бамбль, сэръ! Пожалуйста!

Хотя приглашение это сопровождалось изысканной любезностью, которая должна была бы смягчить сердце церковного старосты, оно не успокоило приходского сторожа.

— Не думаете ли вы, миссис Менн, что ваше поведение корректно и заслуживает уважения? — сказал мистер Бамбль, крепко сжимая свою палку. — Заставить представителя прихода ждать у ворот, когда он является по делам прихода, тесно связанным с существованием приходских детей? Разве вам не известно, миссис Менн, что вы уполномоченная прихода и его стипендиатка?

— Видите ли, мистер Бамбль, все произошло от того, что я ходила сказать одному или двум из наших малюток, которые так любят вас, что вы пришли.

Мистер Бамбль был всегда необыкновенно высокого мнения о своих ораторских способностях и значении своей особы. Он обнаружил одно и доказал другое, и потому находил, что можно допустить и некоторое послабление.

— Довольно, довольно, миссис Менн! — сказал он более спокойным тоном. — Пусть так, как вы говорите, пусть так, так! Откройте, миссис Менн, я пришел по делам и имею кое-что сказать.

Миссис Менн провела приходского сторожа в небольшую комнату с кирпичным полом, предложила ему стул, а на стол перед ним положила его треугольную шляпу и палку. Мистер Бамбль вытер со лба пот, который явился следствием скорой ходьбы, взглянул ласково на свою треугольную шляпу и улыбнулся. Приходские

сторожа ведь тоже люди, и мистер Бамбль улыбнулся.

— Не обижайтесь, пожалуйста, на меня за то, что я вам скажу... Вы пришли издалека, иначе я не посмела бы... Не хотите ли несколько капель чего-нибудь подкрепляющего силы, мистер Бамбль?

— Ни капли, ни капли! — сказал мистер Бамбль с достоинством и в то же время скромно делал отрицательный жест правой рукой.

— А мне кажется, вы выпьете, — сказала миссис Менн, заметивши тон отказа и жест, сопровождавший его. — Несколько капель, и немного холодной воды, и крошечный кусочек сахара.

Мистер Бамбль кашлянул.

— Так, несколько капель! — убедительно сказала миссис Менн.

— А что это будет такое? — спросил приходской сторож.

— А то, что я обязана всегда иметь у себя в доме для этих дорогих малюток, на случай, если они почувствуют себя худо, — отвечала миссис Менн, открывая буфет и вынимая оттуда бутылку и стакан. — Это джин! Я не хочу обманывать вас, мистер Бамбль. Это джин.

— Неужели вы даете его детям, миссис Менн? — спросил мистер Бамбль.

— Ах, спаси их Господи! Ну, разумеется, даю, — отвечала сиделка. — Я не могу видеть, когда они страдают. Это вам уже известно, сэр!

— Да, — сказал мистер Бамбль, — вы не можете. Вы женщина сострадательная, миссис Менн. (Последняя поставила стакан). Я считаю необходимым довести это до сведения комитета, миссис Менн! (Он подвинул стакан к себе.) У вас чувства настоящей матери, миссис Менн! (Он взглянул на джин с водой.) Я... я с радостью готов выпить за ваше здоровье, миссис Менн, — и он выпил полстакана.

— А теперь к делу, — сказал приходской сторож, вынимая карманную записную книжку. — Ребенку, который был наполовину окрещен, Оливеру Твисту, сегодня исполнилось девять лет.

— Спаси его, Господи! — сказала миссис Менн, натирая левый глаз углом своего передника.

— Несмотря на предложенную награду в десять фунтов, которую потом увеличили до двадцати, несмотря на все это, — продолжал Бамбль, — мы никогда не могли узнать, кто его отец, так же как и место жительства матери, ее имя и положение в обществе.

Миссис Менн подняла руки кверху с видом удивления и после минутного размышления сказала:

— Как же случилось, что ему дали это имя?

Приходской сторож гордо поднял голову и сказал:

— Я сам придумал его.

— Вы, мистер Бамбль?!

— Я, миссис Менн! Мы даем имена нашим питомцам в алфавитном порядке. Последняя буква была S — я назвал питомца Свеббль; затем следовало T — я назвал Твистом. После него будет Унвин, а еще после — Вилькинс. Я придумал уже имена до конца всего алфавита и все пройдут через них, пока мы не дойдем, наконец, до последней буквы — до буквы Z.

— Ах, какие у вас литературные наклонности, сэр! — воскликнула миссис Менн.

— Пусть так, пусть так! — сказал приходской сторож, видимо польщенный этим комплиментом. — Пусть так! Быть может, они у меня есть, миссис Менн. — Он допил стакан с джином и продолжал, — Оливер теперь уже вырос и не должен больше оставаться здесь. Попечительный совет решил вернуть его обратно в дом призрения. Я пришел, чтобы взять его с собою. Приведите его сюда.

— Сейчас же иду за ним, — отвечала миссис Менн, выходя из комнаты. Оливер, которого успели уже очистить от наружного слоя грязи, покрывавшей его лицо и руки, был немедленно отведен в приемную комнату своей доброй

повелительницей.

— Поклонись джентльмену, Оливер! — сказала миссис Менн.

Оливер отвесил поклон, который одинаково относился как к приходскому сторожу на стуле, так и к треугольной шляпе на столе.

— Хочешь идти со мной, Оливер? — торжественным тоном спросил мистер Бамбль.

Оливер только что собирался сказать, что он готов идти отсюда с кем угодно, когда, взглянув вверх, заметил, что миссис Менн, стоявшая позади стула приходского сторожа, смотрит на него и с ужасным видом грозит ему кулаком. Он сразу понял, чего она хочет, потому что кулак этот слишком часто опускался на его тело и вследствие этого хорошо запечатлелся в его памяти.

— А она пойдет со мной? — спросил бедный Оливер.

— Нет, она не может, — отвечал мистер Бамбль. — Но время от времени она будет приходить и навещать тебя.

Нельзя сказать, чтобы это было большим утешением для ребенка, который, несмотря на юный возраст свой, сумел притвориться и показать, что огорчен уходом отсюда. Да мальчику и не трудно было вызвать слезы на свои глаза. Голод и недавно пережитое наказание — прекрасные пособники для всякого, кто хочет плакать, а потому

плач Оливера казался вполне естественным. Миссис Менн надавала ему тысячу поцелуев и, что было несравненно больше по душе Оливеру, дала ему кусок хлеба с маслом, чтобы он не проголодался по дороге к дому призрения. С ломтем хлеба в руке и в форменной коричневой фуражке на голове вышел Оливер вместе с мистером Бамблем из скорбного дома, где ни единое доброе слово, ни единый ласковый взгляд ни разу не осветили его тяжелого, подернутого туманом детства. А между тем, когда ворота коттеджа закрылись за ним, ему на душу легло тяжелое детское горе. Как ни были озлоблены маленькие товарищи, оставшиеся позади него, они были единственными друзьями его; он почувствовал себя вдруг совсем одиноким среди окружающего его мир, и это тяжело отразилось на его сердце.

Мистер Бамбль шел вперед большими шагами, а маленький Оливер, крепко уцепившись за рукав его, обшитый золотым галуном, семенил ножками рядом с ним, спрашивая через каждую четверть мили «Близко ли уже?» На эти вопросы мистер Бамбль отвечал коротко и резко. Мимолетное приветливое расположение духа, пробудившееся в нем под влиянием джина с водой, испарилось за это время окончательно, и он снова превратился в приходского сторожа.

Оливер не успел пробыть и четверти часа в стенах дома призрения и прикончить за это время второй ломоть хлеба, когда мистер Бамбль, передавший его на попечение какой-то старухи, снова вернулся назад и объявил, что сегодня вечером назначено заседание комитета, который приказывает ему явиться туда немедленно.

Не имея ясного понятия о том, что такое комитет, Оливер был очень поражен этим извещением и не знал совершенно, что ему делать, — плакать или смеяться. Ему не дали времени хорошенько подумать об этом обстоятельстве; мистер Бамбль, чтобы привести его в себя, слегка ударил его по голове тростью, а затем по спине, чтобы он двигался живее, после чего приказал ему следовать за собою и повел его в большую, выкрашенную белым комнату, где кругом стола восседали восемь или десять тучных джентльменов.

— Поклонись комитету, — сказал Бамбль. Оливер вытер две-три слезы, отуманившие его глаза, но не рассмотрел комитета, а увидел только стол, которому и отвесил свой поклон.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил джентльмен, сидевший на высоком стуле.

Оливер испугался при виде стольких джентльменов и задрожал всем телом; приходской сторож дал ему сзади шлепка, отчего он снова

заплакал. Это было причиной того, что он отвечал едва слышным, дрожащим голосом. Джентльмен в белом жилете назвал его за это дураком. Такое обращение было, конечно, наилучшим способом, чтобы поднять дух Оливера и заставить его чувствовать себя привольно.

— Мальчик, — сказал джентльмен на высоком стуле, — слушай меня. Тебе, конечно, известно, что ты сирота?

— Что это значит, сэр? — спросил бедный Оливер.

— Нет, он совсем идиот.... так я и думал, — сказал джентльмен в белом жилете.

— Позвольте! — сказал джентльмен, который говорил первым; — известно ли тебе, что у тебя нет ни отца, ни матери, и что тебя воспитал приход? Знаешь ты это?

— Да, сэр! — отвечал Оливер, заливаясь горькими слезами.

— Чего ты так плачешь? — удивился джентльмен в белом жилете. — Да, действительно, странно! Из-за чего было плакать этому мальчику?

— Надеюсь, ты каждый вечер читаешь свои молитвы, — спросил сурово еще один джентльмен, — и, как подобает христианину, молишься за тех, кто кормит тебя и заботится о тебе.

— Да, сэр! — запинаясь, отвечал мальчик.

Джентльмен, говоривший последним, был прав, сам не сознавая этого. Оливеру надо было, действительно, быть настоящим христианином, необыкновенно добрым христианином, чтобы молиться за тех, которые кормили его и заботились о нем. Но он не молился, потому что никто не учил его этому.

— Прекрасно! Тебя привели сюда, чтобы воспитать тебя и научить какому-нибудь ремеслу, — сказал краснощекий джентльмен на высоком стуле.

— С завтрашнего дня ты будешь щипать пеньку, начиная с шести часов утра, — продолжал тот, который был в белом жилете.

Оливер по указанию приходского сторожа отвесил поклон комитету в благодарность за оказанное ему благодеяние, продуктом которого явилось щипание пеньки, после чего был отведен в большую комнату, где на грубой, жесткой постели рыдал до тех пор, пока не уснул. Какая чудная иллюстрация к гуманным законам Англии! Они не запрещают беднякам спать!

Бедный Оливер! Он и не думал, когда, благодаря сну, находился в счастливом неведении всего окружающего, что комитет в этот самый день пришел к такому решению, которое должно было иметь самое существенное влияние на всю его будущность. Да, он решил и вот это решение.

Члены Комитета были мудрые, проницательные люди, философы; когда они додумались до того, что следует внимательнее присмотреться к дому призрения, то пришли вдруг к такому заключению, к которому никто из обыкновенных людей не мог прийти, а именно, что бедные люди любили его! Это было настоящее место общественного увеселения для бедных классов; таверна, где ничто не оплачивалось; завтрак, обед, чай и ужин — круглый год; кирпичный и известковый рай, где все кругом забавлялось, а не работало. «Ого!» — сказал комитет, приняв при этом весьма глубокомысленный вид, — мы должны все это прекратить и привести в надлежащий порядок и в самом непродолжительном времени». — И комитет установил правило, чтобы бедные люди выбирали одно из двух (комитет не хотел их принуждать, нет, не хотел): они или должны были подчиниться постепенному процессу голодания, или быть готовыми к тому, что их моментально выселят прочь. С этой целью комитет заключил контракт с водовозами о доставке неограниченного количества воды, а с торговцами муки о доставке в известные сроки небольшого количества овсяной крупы; затем назначил три раза в день жидкую кашу с луком два раза в неделю и с половиной обыкновенной булки по воскресеньям. Но особенно много мудрых

и человеческих правил установил комитет по отношению к женщинам, хотя я не нахожу надобности перечислять их; женатых бедняков решено было разводить с целью уменьшения лишних судебных издержек и вместо того, чтобы заставить человека содержать свою семью, ее отнимали у него, оставляя его холостяком. Нечего и говорить, сколько просьб о пооществании ввиду этих двух правил возникло бы во всех классах общества, не будь это связано с домом призрения; но члены комитета, как люди проницательные, все это предусмотрели и позаботились об устранении этого затруднения. Пособие было тесно связано с домом призрения и жидкой кашцей и это пугало народ.

Месяцев через шесть после того, как Оливер был переведен в дом призрения, эта новая система была уже в полном ходу. Сначала расходы увеличились, вследствие больших издержек на гробовщика и необходимости перешивать платья для бедняков, так как они становились для них слишком свободными и длинными, болтаясь на их телах, сильно исхудавших после одной-двух недель питания жидкой кашцей. Число жителей дома призрения, также нищих, значительно уменьшилось, и комитет ликовал.

Комната, в которой кормили мальчиков, представляла, собою большой зал с медным котлом

на одном конце его; из этого котла в назначенное для приема пищи время раздавали кашу смотритель в белом переднике и две женщины, помощницы его. Каждый мальчик получал всего только одну мисочку этого угощения, но не более, за исключением дней больших празднеств, когда давали на две унции больше кашицы и к ней четверть порции хлеба. Мисок никогда не мыли; мальчики скребли их ложками до тех пор, пока они снова начинали блестеть. По окончании этой операции (которая никогда не продолжалась долго, потому что ложки были одинаковой величины с мисками), они сидели, устремив жадные взоры на котел; они не прочь были съесть его со всеми кирпичами, которыми он был обложен и в то же время старательно сосали свои пальцы в надежде найти остатки каши, которая нечаянно могла попасть на них. Мальчики отличаются всегда хорошим аппетитом. Оливер Твист и товарищи его три месяца уже переносили муки медленного голодания и, в конце концов, они дошли до такого ужасного состояния от голода, что один мальчик, который был очень высокого роста для своих лет и никогда до сих пор не подвергался ничему подобному, намекнул своим товарищам, что если ему не прибавят кашицы, то он боится, что в одну прекрасную ночь съест спящего рядом с ним мальчика очень хилого и совсем еще маленького.

Глаза у него при этом были сумасшедшие и голодные, а потому все поверили ему. Мальчики собрали совет, на котором был брошен жребий, кто должен вечером подойти к смотрителю и спросить у него прибавки; жребий пал на Оливера Твиста.

Наступил вечер, и мальчики заняли свои места. Смотритель в поварском костюме подошел к котлу, а сзади него стояли его ассистентки. Началась раздача кашицы и в тоже время чтение длинной молитвы. Кашица исчезла быстро; мальчики стали перешептываться друг с другом и подмигивать Оливеру, которого в то же время подталкивали ближайшие его соседи. Он был ребенок, доведенный до отчаяния голодом и несчастьем, а потому спокойно встал из-за стола и, подойдя к смотрителю с миской и ложкой в руках, сказал:

— Простите, сэ, я желаю еще.

Смотритель был тучный, здоровый человек, но, тем не менее, он побледнел. Несколько секунд смотрел он молча на маленького бунтовщика и затем прислонился к котлу. Ассистентки были парализованы от удивления, мальчики от страха.

— Что такое? — сказал, наконец, смотритель упавшим голосом.

— Простите, сэ, — отвечал Оливер, — я желаю еще.

Смотритель черпаком ударил Оливера по голове, схватил его за руку и громко крикнул приходского сторожа.

Комитет торжественно сидел в полном сборе, когда мистер Бамбль ворвался в комнату; еле переводя дух от волнения, обратился он к джентльмену на высоком стуле и сказал:

— Мистер Лимбкинс, извините, сэръ! Оливер Твист потребовал прибавки!

Удивление было общее. Ужас показался на всех лицах.

— Прибавки! — сказал мистер Лимбкинс. — Успокойтесь, Бамбль, и изложите все яснее. Если я верно понял вас, то он просил прибавки после того, как съел ужин, установленный по расписанию?

— Да, сэр! — отвечал Бамбль.

— Этого мальчика повесят когда-нибудь, — сказал джентльмен в белом жилете; — я уверен, что его повесят!

Никто не опровергал пророческого предсказания джентльмена. Между членами комитета завязался оживленный спор. Оливер должен был немедленно подвергнуться аресту; на следующее утро необходимо вывесить с наружной стороны ворот объявление, предлагающее пять фунтов награды тому, кто избавит приход от Оливера Твиста, или другими словами, пять фунтов и Оливера Твиста предлагали тому мужчине или той женщине, которые пожелают взять его вместо ученика для торговли, или ремесла, или какого-нибудь другого занятия.

— Никогда еще в своей жизни не был я так уверен в чем-нибудь, — сказал джентльмен в белом жилете, когда он на следующее утро прибил объявление к воротам и затем прочел его, — никогда еще в своей жизни не был я так уверен в чем-нибудь, как в том, что этого мальчика повесят!

Имея намерение целым рядом последующих событий доказать, был ли прав или нет джентльмен в белом жилете, я не хочу, дабы не испортить интереса всего повествования (предположив, что интерес существует), сейчас же, хотя бы ничтожным намеком, дать понять, таков ли был конец жизни Оливера Твиста или нет.

III. О том, как Оливер Твист едва не получил должность, которая отнюдь не была бы синекурою

Целую неделю после совершения своей безбожной и наглой выходки насчет прибавки пищи, просидел Оливер в темной и пустой комнате, куда его заключили по распоряжению мудрого и гуманного комитета. Казалось бы, на первый взгляд, и в этом ничего не было бы странного, что Оливер из чувства уважения к предсказанию джентльмена в белом жилете должен был бы вынуть свой носовой платок и, привязав один конец его к крючку, повеситься на другом и тем доказать необыкновенную мудрость пророка. Но для исполнения такого предсказания существовало одно препятствие, а именно: комитет решил, что носовые платки лишняя роскошь, и что питомцы могут обойтись и без них; решение это было

написано и скреплено приложением рук и печатей. Вторым препятствием к этому был также детский возраст Оливера. Он только горько проплакал весь день, а когда наступила длинная, томительная ночь, он закрыл глаза ручонками, чтобы не видеть темноты, и забрался в самый угол, стараясь заснуть; время от времени он просыпался с страшным испугом и начинал дрожать, прижимаясь все больше и больше к стене, твердая и холодная поверхность которой, казалось ему, может защитить от окружающих его мрака и пустоты.

Да не подумают враги «системы», что во время своего одиночного заключения Оливер лишен был благотворного действия гимнастики, приятного общества и религиозного утешения. Что касается гимнастики, то ему разрешили, несмотря даже на холодную погоду, совершать каждое утро обливание под насосом на каменном дворе, в присутствии мистера Бамбля, который для предупреждения простуды пускал в ход свою палку, вызывая тем усиленное согревание в его теле. Относительно общества мы должны сказать, что Оливера каждый день водили в зал, где обедали мальчики, и там секли его при всех розгами в предупреждение и пример другим. Для того же, чтобы не лишать его религиозного утешения, его каждый вечер пинками гнали в тот же зал на вечернюю молитву и позволяли ему слушать,

улаждая тем свою душу, как читали общую молитву, к которой было сделано добавление, утвержденное властью комитета, где мальчики просили помочь им быть добрыми, добродетельными, довольными и послушными и спасти их от пороков Оливера Твиста, который, — говорилось дальше, — находился под исключительным покровительством и властью злых сил и являлся прямым орудием и воспроизведением сатаны.

В одно прекрасное утро, когда дела Оливера все еще находились в том же счастливом и благоприятном положении, по улице Хай-Стрит шел мистер Гамфильд, трубочист, глубоко задумавшись над тем, как ему устроить, чтобы быть в состоянии уплатить просроченные деньги своему хозяину, который настойчиво требовал их уплаты. Несмотря на самые отчаянные арифметические вычисления, он ничего решительно не мог придумать, ибо финансы его были в таком положении, что не могли доставить ему необходимых для уплаты пяти фунтов; ломая себе голову над этим, он то и дело останавливался и бил палкой по голове осла. Проходя мимо дома призрения, он увидел объявление, прибитое к воротам.

— Стой! — сказал мистер Гамфильд своему ослу.

Осел находился в состоянии самой глубокой задумчивости, рассуждая, быть может, о том, угостят его или нет одним-двумя кочанами капусты, когда он доставит на место два мешка сажи, которыми была нагружена тачка, а потому не обратил ни малейшего внимания на отданное ему приказание и по прежнему двигался вперед.

Мистер Гамфильд разразился бранью и проклятиями на осла, и в особенности на его глаза; бросившись за ним, он догнал его и нанес ему такой удар по голове, которого ни один череп не выдержал бы кроме ослиного. Затем он схватил его за узду, крепко ударил его по морде, чтобы напомнить ему, вероятно, что он его хозяин, и после этого повернул его обратно. Тут он еще раз ударил его по голове, чтобы оглушить его окончательно до своего возвращения, и пошел к воротам читать объявление.

У ворот, заложив руки назад, стоял джентльмен в белом жилете; он только что вышел из заседания комитета, чтобы освежиться от волновавших его глубоких чувств. Сделавшись таким образом невольным свидетелем маленькой размолвки между мистером Гамфильдом и его ослом, он весело улыбнулся, когда упомянутое выше лицо подошло к воротам, чтобы прочесть объявление; он сразу понял, что мистер Гамфильд — такой именно хозяин, какой необходим Оливеру

Твисту. Прочитав объявление, мистер Гамфильд улыбнулся в свою очередь; пять фунтов составляли именно ту сумму, которая была ему необходима, а что касается мальчика, с которым были связаны эти пять фунтов, то мистер Гамфильд, знавший хорошо образ жизни в доме призрения, был уверен, что мальчик по своей величине подойдет наверное ко всем трубам. Он еще раз прочел объявление, начав его в этот раз в самого конца, а затем, приложив руку к шляпе, в знак смирения, подошел к джентльмену в белом жилете.

— Здесь находится тот мальчик, сэръ, которого приход желает отдать в учение? — спросил он.

— Да, мой милый! — отвечал джентльмен в белом жилете, улыбаясь снисходительно. — А зачем он вам нужен?

— Если приход желает, чтобы он выучился приятному ремеслу, то почему ему не учиться хорошему, почтенному занятию трубочиста, — отвечал мистер Гамфильд. — Мне нужен ученик и я готов взять его.

— Войдите, — сказал джентльмен в белом жилете.

Мистер Гамфильд подошел, вlepил ослу еще один удар по голове, а другой по морде, — из предосторожности, вероятно, чтобы тот не вздумал убежать во время его отсутствия, — после чего последовал за джентльменом в белом жилете,

который ввел его в ту комнату, где Оливер в первый раз предстал перед комитетом.

— Грязное это ремесло, — сказал мистер Лимбкинс, когда Гамфильд еще раз выразил свое желание.

— Мальчики частенько задыхаются в трубах от дыма, — сказал другой джентльмен.

— Все это было раньше, когда солому смачивали сначала, а затем зажигали ее в трубе для того, чтобы заставить мальчика спуститься вниз, — сказал Гамфильд. — Было больше дыма, чем огня. А дымом разве заставишь мальчика спуститься? Он заснет только, а это ему на руку. Мальчики, джентльмены, очень упрямы и очень ленивы, лучше огня ничего нет, чтобы заставить их стремглав спуститься вниз. Все это делается из человеколюбия, джентльмены! Застрянет мальчишка в трубе, ну, поджаришь ему легонько пятки, он и ринется, как безумный, вниз.

Объяснение это, по-видимому, очень понравилось джентльмену в белом жилете, но он поспешил скрыть свое удовольствие, заметив взгляд, искоса брошенный на него мистером Лимбкинсом. Члены комитета несколько минут тихо совещались между собой, так что можно было разобрать лишь некоторые слова: «сокращение расходов» — «произведет приятное впечатление» — «печатный отзыв». Вот все, что можно было

расслышать. Совещание прекратилось, наконец, и члены комитета, заняв снова свои места, приняли таинственный вид.

— Мы рассмотрели ваши предложение, — сказал мистер Лимбкинс, — но не можем согласиться на него.

— Ни под каким видом не можем, — сказал джентльмен в белом жилете.

— Разумеется, не можем, — подтвердили остальные члены комитета.

Мистер Гамфильд, который много раз обвинялся в том, что забил до смерти трех-четырёх мальчишек, вообразил себе, что это, совершенно чуждое настоящему делу обстоятельство, повлияло на решение комитета. Это был, по его мнению, какой-то необъяснимый каприз, несколько не похожий на обыкновенный образ действия комитета. Не желая, однако, разбираться в ходивших о нем слухах, он смял в руках шапку и медленно двинулся к дверям.

— Итак, вы не желаете, джентльмены, отдать его мне? — спросил он, остановившись вдруг на месте.

— Нет, — отвечал мистер Лимбкинс; — ремесло ваше, видите ли, очень грязное и вы должны сбавить кое-что с предложенной нами премии.

Лицо мистера Гамфильда просияло, и он

быстрыми шагами направился обратно к столу.

— Сколько же вы хотите дать, джентльмены? — сказал он. — Не будьте жестоки к бедному человеку. Сколько же вы дадите?

— По-моему, три фунта десять шиллингов будет вполне достаточно, — сказал мистер Лимбкинс.

— Десять шиллингов следовало бы еще скинуть, — сказал джентльмен в белом жилете.

— Что вы! — сказал Гамфильд. — Дайте четыре фунта, джентльмены! Четыре фунта, говорю, и вы навсегда избавитесь от него. Так-то!

— Три фунта десять, — твердо повторил мистер Лимбкинс.

— Эх! Ну, поделим разницу, джентльмены! — настаивал Гамфильд. — Три фунта пятнадцать.

— Ни одной полушки больше, — был ответ мистера Лимбкинса.

— Вы отчаянно притесняете меня, джентльмены! — сказал Гамфильд.

— Какие пустяки! — сказал джентльмен в белом жилете. — Он и сам по себе ценная вещь, не только что с премией. Берите его с собой, глупый вы человек! Самый подходящий для вас мальчик. Без палки с ним ни на шаг; она очень полезна ему. Содержание его не причинит вам больших расходов, так как его никогда не перекармливали с самого дня его рождения. Ха-ха-ха!

Мистер Гамфильд взглянул искоса на лица сидевших вокруг стола и, заметив на всех улыбку, сам улыбнулся, в свою очередь. Торг был кончен. Мистеру Бамблю дали немедленно знать, чтобы он сегодня же днем отвел Оливера Твиста в магистрат, где должны дать ему разрешение и затем засвидетельствовать контракт.

На основании этого решения Оливера, к великому удивлению его, выпустили из заключения и приказали ему надеть чистую рубаху. Не успел он кончить эту непривычную для него гимнастику, как мистер Бамбль сам, собственными руками, принес ему миску с кашицей, и к ней воскресную прибавку в две унции и четверть хлеба. При виде этого необычайного явления Оливер горько расплакался; он подумал, и в этом нет ничего неестественного, что комитет решил его убить для какой-нибудь полезной цели; в противном случае, решил он, незачем было бы его так откармливать.

— Не плачь, Оливер, глаза будут красные. Ешь лучше, что тебе принесли, и будь благодарен, — сказал мистер Бамбль с особенной выразительностью в голосе. — Ты будешь теперь учиться ремеслу, Оливер!

— Ремеслу, сэр? — отвечал дрожащий мальчик.

— Да, Оливер, — отвечал мистер Бамбль. — Добрый и хороший джентльмен, который заменит

тебе родителей, Оливер, потому что у тебя своих нет, хочет взять тебя в ученики, дать тебе средства к жизни и сделать из тебя человека. Это стоило приходу три фунта десять шиллингов!.. Три фунта, десять, Оливер!.. Семьдесят шиллингов!.. Сто сорок шестипенсовиков!.. И все это ради капризного мальчонки, которого никто не может любить!

Проговорив эту речь глухим голосом, мистер Бамбль остановился, чтобы перенести дух, а у бедного мальчика слезы ручьем полились из глаз, и он горько зарыдал.

— Полно тебе! — сказал мистер Бамбль уже менее напыщенным голосом, так как все чувства его были удовлетворены результатами собственного красноречия. — Полно, Оливер! Вытри глаза обшлагом жакетки и не лей слез в кашницу; это совсем не благоразумно, Оливер!

И действительно это было неблагоразумно; в каше и без того было уже достаточно воды.

По пути в магистрат мистер Бамбль учил Оливера, как он должен вести себя. Лицо у него должно быть совершенно счастливое и когда джентльмен спросит его, желает ли он учиться, то он должен ответить, что желает. Оливер обещал исполнить все то, что ему говорят, тем более, что мистер Бамбль сделал маленький намек на то, что с ним будет, если он не исполнит чего-нибудь из сказанного. Когда они пришли в магистрат, мистер

Бамбль отвел мальчика в небольшую комнатку и приказал ему оставаться там до тех пор, пока он не придет.

Полчаса ждал Оливер, и сердце его трепетало от волнения. Но по прошествии этого времени мистер Бамбль просунул в дверь голову, украшенную треуголкой, и сказал:

— Теперь, милый Оливер, пора идти к джентльмену. — Сказав это, мистер Бамбль принял суровый и грозный вид и прибавил тихим голосом, — Не забывай, юный негодяй, что я тебе говорил.

Оливер с недоумением взглянул на лицо мистера Бамбля при этом, совершенно противоположном первому обращении к нему, но тот предупредил всякие замечания на этот счет, уведя его поспешно в соседнюю комнату, дверь которой была открыта. Это была обширная комната с большим окном. За конторкой сидели два старых джентльмена в напудренных париках; один из них читал газету, тогда как другой в очках с черепаховой оправой читал что-то на небольшом листе пергамента, лежавшем перед ним. Мистер Лимбкинс стоял прямо против конторки с одной стороны, а мистер Гамфильд с чисто вымытым лицом с другой. Позади них прохаживались взад и вперед какие-то два-три человека в сапогах с отворотами.

Старый джентльмен в очках начинал уже, по-видимому, дремать над листом пергамента. Молчание длилось несколько минут после того, как мистер Бамбль привел Оливера и поставил его против конторки.

— Вот, он, этот мальчик, ваша милость, — сказал Бамбль.

Старый джентльмен, читавший газету, поднял голову на минуту и затем потянул за рукав другого старого джентльмена, который тотчас же проснулся.

— О, так это и есть тот мальчик? — спросил старый джентльмен.

— Тот самый, сэр! — отвечал мистер Бамбль. — Поклонись судьям, голубчик!

Оливер постарался собраться с духом и поклонился. Он во все глаза смотрел на напудренные головы судей и с недоумением спрашивал себя, неужели они так и родились с этой массой белых волос?

— Хорошо! — сказал старый джентльмен. — Надо полагать, что ему очень нравится ремесло трубочиста?

— Любит его до безумия, ваша милость, — отвечал Бамбль, — слегка щипнув Оливера, чтобы он не смел отрицать этого.

— Он, следовательно, хочет быть трубочистом? — продолжал спрашивать старый

джентльмен.

— Если завтра мы подумаем отдать его учиться какому-нибудь другому ремеслу, то он, ваша милость, наверное, убежит, — отвечал Бамбль.

— Этот человек будет, следовательно, его хозяином да, сэръ? Хорошо ли вы будете обращаться с ним и достаточно кормить его? Все ли будете делать, что ему нужно? — спросил старый джентльмен.

— Раз я сказал буду, значит буду, — проворчал мистер Гамфильд.

— Речь у вас грубая, мой друг, но на вид вы кажетесь честным и чистосердечным человеком, — продолжал старый джентльмен, внимательно присматриваясь к кандидату на премию, гнусное лицо которого служило верным отпечатком его жестокости. Но судья был наполовину слеп и почти впал в детство, а потому не мог так верно рассуждать, как другие.

— Надеюсь, сэръ, что так, — отвечал мистер Гамфильд.

— Я не сомневаюсь в этом, мой друг, — продолжал старый джентльмен, поправляя очки на носу и отыскивая чернильницу.

Наступил критический момент в судьбе Оливера. Будь чернильница на том месте, где ее думал найти старый джентльмен, он погрузил бы в

нее перо, подписал бы контракт, и Оливера немедленно бы увели. Но так как она находилась непосредственно под самым его носом, то он, глядя, по естественному ходу вещей, поверх контракта, не нашел ее, само собою разумеется. Во время этих поисков он нечаянно взглянул прямо перед собой и тут только увидел бледное и испуганное лицо Оливера Твиста, который, вопреки предостерегательным взорам и щипкам Бамбля, смотрел на отталкивающую физиономию своего будущего хозяина с таким ужасом и страхом, что этого не мог не заметить даже полуслепой судья. Старый джентльмен положил перо и перевел взор с Оливера на мистера Лимбкинса, который, взяв понюшку табаку, старался придать своему лицу самое спокойное и беззаботное выражение.

— Мой мальчик! — сказал старый джентльмен, облачиваясь на конторку. Оливер вздрогнул и оглянулся с удивлением. Нельзя не извинить его за это: голос звучал так странно ласково, а все странные звуки пугали его. Дрожь пробежала по всему телу его, и он залился слезами.

— Мой мальчик! — повторил старый джентльмен, — ты так бледен и встревожен. В чем дело?

— Сторож, отойдите от него несколько в сторону, — сказал другой джентльмен, откладывая газету и с видимым интересом прислушиваясь к разговору. — Не бойся, мальчик, и расскажи нам, в чем дело.

Оливер упал на колени, поднял руки кверху и, ломая их, стал молить, чтобы его отослали обратно в темную комнату... замучили голодом... исколотили... убили, наконец, если нужно, но только не отдавали этому ужасному человеку.

— Бог мой! — воскликнул Бамбль, выразительно подымая кверху глаза и руки. — Бог мой! Сколько я не видал сирот, Оливер, ни один из них не был так хитер и лукав... Ты самый наглый из них.

— Придержите ваш язык, сторож, — сказал второй старый джентльмен, когда Бамбль кончил свои восклицания.

— Простите, ваша милость, — сказал Бамбль, не веря своим ушам. — Не ко мне ли обратилась ваша милость?

— Да! Придержите ваш язык.

Старый джентльмен в черепаховых очках взглянул на своего товарища; тот выразительно кивнул ему.

— Мы отказываемся подписать этот контракт, — сказал старый джентльмен и отложил в сторону пергамент.

— Надеюсь, — сказал мистер Лимбкинс, — надеюсь, судьи не составят ложного мнения о приходских властях, будто они виновны в каком-либо нечестном поступке, и не будут полагаться на несообразное показание ребенка.

— Судьи не обязаны высказывать вам своего мнения относительно этого дела, — резко прервал его второй старый джентльмен. — Сведите мальчика обратно в дом призрения и обращайтесь с ним ласково. Он, видимо, нуждается в этом.

В этот же самый вечер джентльмен в белом жилете утверждал самым положительным и решительным образом, что Оливера, если и не повесят, то уж наверное посадят в тюрьму и четвертуют. Мистер Бамбль печально и таинственно покачал головой, а Гамфильд выразил, что было бы недурно, если б мальчик попал в его руки; и видно было по всему, что это навряд ли было бы недурно.

На следующее утро снова было вывешено объявление, что Оливер Твист отдается в учение и тот, кто возьмет его к себе, получит пять фунтов награды.

IV. Оливеру находят другое место, и он впервые выступает на поприще общественной жизни

Когда молодой человек какой-нибудь большой семьи достигает известного возраста и ему не могут доставить какого-нибудь выгодного места, или передать ему право на часть наследства, или дать ему возможность пользоваться наследством, то его обыкновенно отправляют в море. Комитет, подражая такому умному и душеспасительному примеру, собрал совет, на котором решено было отдать Оливера Твиста на какое-нибудь небольшое торговое судно, отправляющееся в далекий и нездоровый порт. По мнению комитета это было самое лучшее, что только можно было сделать для него: весьма возможно, что шкипер, придя в игривое настроение духа после сытного обеда, засечет его до смерти или выпустит ему мозг из головы при помощи железного прута: забавы такого рода (как известно многим), представляют самое обыкновенное явление среди джентльменов этого класса. Чем больше рассматривал комитет это дело с вышеупомянутой точки зрения, тем больше находил он в нем преимуществ, а потому в конце концов пришел к тому заключению, что Оливера во что бы то ни стало следует послать в море, и чем скорее, тем лучше.

Мистеру Бамблю поручили собрать немедленно предварительные сведения и выискать капитана, который не прочь был бы взять юнгу, не

имеющего ни друзей, ни родных. Возвращаясь обратно к дому призрения, чтобы сообщить о результатах своей миссии, Бамбль встретил у самых ворот мистера Соуэрберри, приходского гробовщика.

Мистер Соуэрберри был высокий человек, худощавый, широкоплечий, в черном поношенном костюме, в длинных штопанных чулках и башмаках. Наружность его не производила приятного впечатления, а между тем он отличался присущею всем гробовщикам шутливостью. Движения его были эластичны, и лицо выражало внутреннее довольство, когда он подошел к мистеру Бамблю и крепко пожал ему руку.

— Только что снял мерку с двух женщин, которые умерли сегодня ночью, мистер Бамбль, — сказал гробовщик.

— Вы составите себе состояние, мистер Соуэрберри, — сказал сторож и, сложив вместе большой палец и указательный, опустил их в табакерку гробовщика; табакерка была сделана в виде маленькой модели патентованного гроба. — Повторяю, мистер Соуэрберри, вы составите себе состояние, — продолжал сторож, хлопая гробовщика по плечу своей палкой.

— Вы думаете? — сказал гробовщик таким тоном, который не то отвергал, не то подтверждал возможность такого события. — Комитет назначил

слишком ничтожную цену, мистер Бамбль.

— Каков гроб, такова и цена, — отвечал сторож, слегка улыбаясь, как полагается снисходительному человеку.

Шутка эта приятно подействовала на мистера Соуэрберри, и он долго хохотал над ней.

— Так, так, мистер Бамбль, — сказал он наконец, — нельзя отрицать, что с тех пор, как введена новая система питания, гробы стали несколько уже и мельче, чем они бывают обыкновенно; но ведь нужно же нам иметь хотя какой-нибудь барыш, мистер Бамбль? Вовремя купленный лес требует больших расходов, сэр; что касается железных ручек, то мы получаем их по каналу из Бирмингема.

— Что ж из этого? — сказал мистер Бамбль. — Нет ремесла без убытка. Брать барыш не грешно.

— Разумеется, разумеется, — отвечал гробовщик, — не получу барыша на отдельных статьях, наверстаю на целом... Ха-ха-ха!

— Верно, — подтвердил мистер Бамбль.

— Хотя я должен сказать, — продолжал гробовщик, возвращаясь к тому, что он хотел сказать раньше, чем его прервал сторож, — хотя я должен сказать, мистер Бамбль, что на мою долю выпадает очень большое неудобство; дело в том, что умирают скорее всего люди крепкие, толстые.

Люди, которые жили в хороших условиях и много лет подряд платили налоги, раньше других сваливаются, когда попадают в ваш дом. Так вот, видите ли, мистер Бамбль, три-четыре дюйма сверх положенной мерки — крупная прореха в наших барышах, особенно когда у тебя на руках большая семья.

После этих слов мистера Соуэрберри, сказанных с негодованием незаслуженно обиженного человека, мистер Бамбль почувствовал, что разговор этот может повести к разным рассуждениям далеко не в пользу приходской общины, а потому решил переменить его и перейти к Оливеру Твисту.

— Кстати, — сказал мистер Бамбль, — не знаете ли вы кого-нибудь, кто пожелал бы взять отсюда мальчика, приходского ученика, который в настоящее время страшная обуза для нас, мельничный жернов на шее прихода. И на выгодных условиях, мистер Соуэрберри, за щедрую плату! — и мистер Бамбль поднес палку к объявлению и три раза с промежутками ударил по словам «пять фунтов», которые были напечатаны римскими цифрами колоссальных размеров.

— Ах, да! — сказал гробовщик, придерживая его за обшитые золотыми галунами фалды форменного сюртука, — об этом-то, собственно, я и хотел поговорить с вами. Знаете... ах, какие

элегантные пуговицы у вас, мистер Бамбль! Я никогда раньше не замечал их.

— Да, очень красивы, — отвечал сторож, гордо поглядывая на большие бронзовые пуговицы, украшавшие его сюртук. — Чекан на них такой же, как и на приходской печати... добрый самаритянин, врачующий больного и раненого человека. Комитет преподнес мне его утром Нового года, мистер Соуэрберри. Сколько мне помнится, я надел его в первый раз в тот день, когда производилось следствие по поводу разорившегося купца, который умер в полночь у наших дверей.

— Помню, — сказал гробовщик. — Присяжные решили, что «он умер от холода» и оттого, что лишен был «всего необходимого в жизни». Не правда ли?

Мистер Бамбль кивнул головой.

— Затем произнесен был вердикт, — продолжал гробовщик, — в котором, сколько помнится, было сказано: «Если бы члены комитета призрения бедных»....

— Ах, какие глупости! — перебил его сторож. — По горло будет дела комитету, если только он станет прислушиваться ко всему, что говорят ничего не понимающие присяжные.

— Верно, — отвечал гробовщик, — дела было бы много.

— Присяжные, — сказал мистер Бамбль,

крепко сжимая свою палку, потому что начал сердиться, — присяжные — люди невежественные, грубые, низкие.

— Да, это верно! — подтвердил гробовщик.

— Они не признают ни философии, ни политической экономии, ничего! — сказал сторож, прищелкивая пальцами.

— Разумеется, не признают, — сказал гробовщик.

— Я признаю их, — оказал Бамбль и даже покраснел.

— И я также, — присоединился к нему гробовщик.

— Желал бы я, чтоб хотя бы один из этих присяжных независимого сорта попал к нам в дом на недельку, на две, — сказал сторож; — правила и уставы нашего комитета скоро поубавили бы ему спеси.

— Да полно вам... оставьте вы их лучше в покое, — сказал гробовщик, улыбаясь, чтобы успокоить расходившегося сторожа.

Мистер Бамбль снял свою треуголку, вынул платок и вытер пот, покрывший его лоб от волнения, затем снова надел шляпу и, обратившись к гробовщику, сказал ему уже более спокойным тоном:

— А как же насчет мальчика?

— О! — отвечал гробовщик, — вам известно,

мистер Бамбль, что я вношу порядочно таки большой налог на бедных.

— Гм! — сказал мистер Бамбль. — Что ж из этого?

— А вот что, — отвечал гробовщик; — я думаю, что, внося такую большую плату, я имею полное право извлечь из них все, что только могу, мистер Бамбль! И... я... я думаю, что возьму мальчика к себе.

Мистер Бамбль взял гробовщика под руку и повел его в дом. Мистер Соуэрберри пробыл в комитете всего пять минут. Решено было, что Оливер сегодня же вечером отправится к нему на испытание, т. е., если хозяин его найдет по прошествии короткого срока, что он получит от него достаточную помощь, не вкладывая в него слишком много пищи, то он оставит его у себя на несколько лет с правом заставляя его делать все, что захочет.

Когда маленького Оливера привели вечером к джентльменам, то ему сказали, что он должен сегодня же идти к гробовому мастеру, который берет его к себе в ученики. Если же он осмелится быть недовольным своим положением и вздумает вернуться обратно в приход, то его отправят в море, где его или утопят, или убьют. Мальчик, слушая все это, выказал так мало волнения, что все в один голос признали его ожесточенным юным негодяем

и приказали мистеру Бамблю немедленно увести его.

Весьма естественно, что члены комитета, скорее, чем кто другой, должны были почувствовать негодование и ужас при виде такой нечувствительности, хотя в этом случае они жестоко ошибались. Дело в том, что Оливер далеко не был бесчувственным мальчиком; напротив, он чувствовал слишком сильно и, несмотря на жестокое обращение, которому он подвергался в течение своей короткой жизни, он не был ни тупым, ни угрюмым. В глубоком молчании выслушал он новость о своем назначении и взял в руки свой багаж, который ему нетрудно было нести, так как он состоял из одного пакета в коричневой бумаге в полфута ширины и три дюйма глубины; надвинув на глаза шапку и ухватившись за обшлаг мистера Бамбля, последовал он за этим важным сановником к месту новых страданий.

Некоторое время вел мистер Бамбль Оливера, не делая ему никаких замечаний. Сторож, как и подобает приходскому сторожу, шел все время, важно подняв кверху голову. День был ветреный, и развевающиеся полы сюртука мистера Бамбля то и дело закрывали маленького Оливера, оставляя в то же время открытыми во всей прелести жилет с отворотами и плисовые панталоны сторожа. Когда они были уже недалеко от места своего назначения,

мистер Бамбль подумал, что следует взглянуть вниз и посмотреть, в должном ли порядке находится мальчик, чтобы представиться своему новому хозяину.

— Оливер! — сказал мистер Бамбль, приняв на себя снисходительный и покровительственный вид.

— Что, сэр? — отвечал Оливер тихим, дрожащим голосом.

— Передвинь шапку выше, сэр, и держи голову выше.

Оливер беспрекословно исполнил его желание и затем свободной ручонкой провел по глазам, в которых блестели слезинки, когда он смотрел на своего проводника. Когда же мистер Бамбль сурово взглянул на него, то одна из слезинок скатилась по щеке, за ней последовала вторая... третья... Ребенок употреблял невероятные усилия, чтобы не заплакать, но все было напрасно. Вытянув тогда другую ручонку из руки мистера Бамбля, он закрыл лицо обеими, и рыдал до тех пор, пока слезы ни полились ручьем между подбородком и худенькими, костлявыми пальчиками.

— Перестань! — крикнул мистер Бамбль, останавливаясь и, устремляя на Оливера злобный взгляд. — Перестань! Из всех неблагодарных, испорченных мальчишек, каких мне приходилось видеть до сих пор, ты самый...

— Нет, нет, сэр! — зарыдал Оливер, хватаясь за руку, которая держала хорошо ему знакомую палку; — нет, нет, сэр! Я буду хорошим! Да, да, я хочу быть хорошим, сэр! Я ведь маленький мальчик, сэр!.. и я такой... такой...

— Такой?... Какой такой?... — с удивлением спросил мистер Бамбль.

— Такой одинокий, сэр! Очень, очень одинокий! — плакал мальчик. — Все ненавидят меня. О, сэр! Не просите его, чтобы он был жесток со мною!

Мальчик положил руку на сердце и взглянул на своего спутника глазами полными слез и невыразимого страдания.

Мистер Бамбль несколько секунд смотрел с удивлением на молящие и страдальческие глаза Оливера. Раза три-четыре кашлянул он хрипло и, пробормотав нечто вроде «этот несносный кашель», попросил Оливера вытереть глаза и быть хорошим мальчиком. Затем они двинулись дальше.

Гробовщик, который только что закрыл ставни своей лавки, записывал что-то в своей приходе-расходной книжке при свете свечи, вполне соответствующей окружающей обстановке, когда увидел входившего мистера Бамбля.

— Ага! — сказал гробовщик, — это вы, Бамбль?

— И не один, мистер Соуэрберри! — отвечал

сторож. — Вот! Я привел мальчика. Оливер, поклонись.

— Неужели это тот самый мальчик? — спросил гробовщик, подымая над головой подсвечник, чтобы лучше видеть Оливера. — Миссис Соуэрберри, будьте добры прийти сюда на минутку, моя дорогая.

Миссис Соуэрберри вышла из комнаты, находившейся позади лавки; это была коротенькая, худенькая, с неприятной физиономией женщина.

— Дорогая моя, — сказал мистер Соуэрберри, — это вот мальчик из дома призрения, о котором я тебе говорил.

Оливер снова поклонился.

— Бог мой, — воскликнула жена гробовщика, — он слишком мал!

— Ну, нет, он только ростом маловат, — отвечал мистер Бамбль, взглянув на Оливера с каким-то упреком, точно обвиняя его в том, что он не вырос больше. — Маловат-то он, правда, отрицать этого нельзя; но ведь он вырастет, миссис Соуэрберри, вырастет.

— Знаю, что вырастет, — сердито отвечала эта леди, — на нашей пище и питье. Никакой пользы не вижу я от ваших приходских детей, — никакой! На них всегда приходится тратить несравненно больше, чем они того стоят. Но... мужчины всегда воображают, что они лучше нас

все знают. Ступай-ка вниз, маленький мешок с костями.

С этими словами жена гробовщика открыла боковую дверь и толкнула туда Оливера, чтобы он спустился вниз по лестнице, которая привела его в темный и сырой подвал, служивший передней для подвала с углем и носивший название «кухни». Там сидела крайне неопрятно одетая девушка в старых башмаках, до того изорванных, что нечего было и думать о починке их.

— Шарлотта, — сказала миссис Соуэрберри, спустившаяся вместе с Оливером, — дайте этому мальчику холодные куски мяса, которые были приготовлены для Трипа. Он не приходил домой с самого утра, а потому может уйти без них. Я думаю, что мальчик не особенно изнежен, и съест их. — Правда, мальчик?

Оливер, глаза которого засверкали при слове «мясо», и даже дрожь пробежала по всему телу от жажды съесть его, отвечал в утвердительном смысле, и ему тотчас же поставили тарелку с разными объедками.

Хотелось бы мне, чтобы какой-нибудь хорошо упитанный философ, в желудке которого мясо и питье превращаются в желчь, у которого вместо крови лед, и вместо сердца железо, хотелось бы мне, чтобы он увидел, как Оливер Твист хватал изысканные объедки, которыми пренебрегала

собака! Хотелось бы мне, чтобы он видел непомерную жадность, лютость голода, так сказать, с которого он грыз эти объедки. Одного только желал бы я при этом, чтобы мне самому удалось видеть этого философа в том же самом положении, смакующего объедки с таким же аппетитом.

— Ну, — сказала жена гробовщика, когда Оливер кончил свой ужин, во время которого она смотрела на него с затаенным в душе ужасом, предвидя со страхом его будущий аппетит. — Кончил ты?

Так как по близости ничего съедобного больше не было, то Оливер отвечал в утвердительном смысле.

— Иди за мной. — Миссис Соуэрберри взяла тусклую и грязную лампу и повела его вверх по ступенькам. — Твоя постель под прилавком. Ты, пожалуй, не захочешь спать среди гробов? Только, видишь ли, мне не до того, чтобы разбирать, где ты хочешь или не хочешь, ты должен спать везде, где тебя положат. Иди же, я не буду ждать тебя здесь всю ночь.

Оливер не медлил больше, и молча последовал за своей новой хозяйкой.

V. Оливер знакомится с новыми товарищами. Он в первый раз

присутствует на похоронах, во время которых составляет неблагоприятное мнение о занятии своего хозяина

Оставшись один в лавке гробовщика, Оливер поставил лампу на рабочую скамью и робко оглянулся кругом с чувством невыразимого страха и ужаса, которые в этом случае испытали бы и многие из нас, старше и благоразумнее, чем он. Неоконченный гроб на черном станке, который стоял посреди лавки, выглядел мрачно, подобно смерти; холодная дрожь пробежала по всему телу мальчика, когда глаза его повернулись в сторону этого предмета. Ему казалось, что он сейчас увидит очертание фигуры, медленно поднимающей свою голову, и смертельный ужас схватил его душу. У стены в правильном порядке стоял целый ряд дощатых сооружений в этом же роде; при тусклом свете лампы они казались привидениями с поднятыми кверху плечами и засунутыми в карманы руками. Металлические доски для гробов, стружки, гвозди с блестящими головками, куски черных материй валялись по всему полу. За прилавком на стене висела картина, изображающая двух в туго накрахмаленных галстуках человек, стоявших на дежурстве у дверей частного дома, а в некотором отдалении оттуда погребальную

колесницу, запряженную четверкой лошадей. В лавке было душно и жарко; вся атмосфера в ней была, казалось, пропитана запахом гробов. Углубление под прилавком, куда ему бросили жалкий матрасик, выглядело, как могила.

Но не одна только окружающая обстановка угнетала Оливера. Он был один в этом странном месте, а все мы знаем по опыту, что самый отважный из нас почувствовал бы мороз по коже и отчаяние, очутившись там вместо него. У мальчика не было друзей, о которых он заботился бы, или которые заботились бы о нем. Сожаление о недавней разлуке было еще свежо в его памяти; отсутствие любимого и знакомого лица тяжелым камнем лежало на его сердце, и он, вползая в предназначенное ему для сна узкое отверстие, пожелал, чтобы оно было могилой на кладбище, в которой он мог бы навсегда уснуть мирным и непробудным сном, а над ним росла бы и колыхалась высокая трава, и звон старого колокола убаюкивал бы его безмятежный сон.

Оливер проснулся на следующее утро от громкого стука с наружной стороны двери; пока он одевался, стук этот повторялся еще раз двадцать пять, и всякий раз с большей, по-видимому, досадой. Когда он собирался снять цепочку, стук прекратился и послышался чей-то голос.

— Отворишь ли ты, наконец, дверь? — кричал

голос, принадлежавший, очевидно, лицу, стучавшему перед этим в дверь.

— Сейчас, сэр! — отвечал Оливер, снимая цепочку и поворачивая ключ.

— Ты, наверное, новый ученик, да? — спросил голос через замочную скважину.

— Да, сэр! — отвечал Оливер.

— Сколько тебе лет? — продолжал голос.

— Десять, — отвечал Оливер.

— Ну, так я отколочу тебя, когда войду, — сказал голос; — вот увидишь, если не сделаю этого; так-то, нищее ты отродье! — И сделав такое любезное обещание, голос перешел в свист.

Оливеру не раз уже приходилось подвергаться процессу, о котором ему было возвещено выразительным монологом, а потому он ни на минуту не сомневался в том, что голос, кому бы там он ни принадлежал, самым добросовестным образом исполнит свое обещание. Он отодвинул болты дрожащими руками и открыл двери.

Секунду или две осматривал Оливер улицу в одном направлении и в другом; он думал, что неизвестный, говоривший с ним через замочную скважину, ходил взад и вперед по улице, чтобы согреться, но он никого не увидел, кроме толстого мальчика, который сидел на тумбе против дома и ел ломоть хлеба с маслом, отрезая от него ножом небольшие ломти, величиною с отверстие своего

рта, и с жадностью поедая их.

— Прошу извинить, сэръ! — сказал Оливер. — Не вы ли стучали?

— Да, я стучал, — отвечал мальчик.

— Вам, вероятно, требуется гроб, сэръ? — спросил Оливер.

При этих словах мальчик злобно взглянул на него и сказал, что Оливеру он потребуется несравненно раньше, если только он еще раз осмелится так шутить со старшими.

— Ты, мне кажется, не знаешь, кто я такой? — продолжал он, вставая с тумбы и напуская на себя необыкновенную важность.

— Нет, сэръ! — отвечал Оливер.

— Я мистер Ноэ Клейполь, — сказал мальчик, — и ты мой помощник. Открой ставни! Этакое ты ленивое, грубое отродье!

С этими словами мистер Клейполь ударил Оливера ногой и вошел в лавку, стараясь принять на себя вид достоинства и благородства, что не особенно удавалось ему. Да и трудно было мальчишке с громадной головой, крошечными глазками, в подранной одежде и с глупым лицом иметь вид достоинства и благородства, а особенно, если прибавит к обаятельной наружности этой особы красный нос и желтый кожаный передник.

Оливер открыл ставни, причем разбил одно оконное стекло той же ставней, которую он с

неимоверными усилиями старался стащить в небольшой двор, смежный с домом, куда все ставни уносились обыкновенно на целый день. Ноэ снисходительно вызвался помочь ему, утешая его при этом, что ему, наверное, «попадет». Вскоре после этого вниз спустился мистер Соуэрберри, а почти непосредственно за ним и сама миссис Соуэрберри. Предсказание Ноэ исполнилось и Оливеру попало, после чего он последовал за юным джентльменом к завтраку.

— Садитесь поближе к огню, Ноэ! — сказала Шарлотта. — Я оставила для вас небольшой кусочек копченой грудинки от хозяйского завтрака. Оливер, закрой дверь сзади мистера Ноэ и подай ему те кусочки, которые я положила на крышку от кастрюли. Вот твой чай; поставь его на ящик и пей там, да скорей, они ждут тебя в лавке. Слышишь?

— Слышишь, нищенское отродье? — спросил Ноэ Клейполь.

— Бог мой, Ноэ! — воскликнула Шарлотта. — Какое вы удивительное создание! Зачем вы не оставите мальчика в покое?

— Оставить его в покое? — сказал Ноэ. — Что касается этого, то он достаточно оставлен в покое. Ни мать, ни отец не заботятся о нем. Все родные предоставили ему полное право идти своей собственной дорогой. Как думаешь, Шарлотта? Ха-ха-ха!

— О, вы удивительная душа! — сказала Шарлотта, разражаясь громким хохотом, к которому присоединился и Ноэ; нахохотавшись вдоволь, оба с презрением взглянули на бедного Оливера Твиста, который дрожал, сидя на ящике в самом холодном углу комнаты и поедая сухие корки, приготовленные специально для него.

Ноэ находился в одном из благотворительных заведений, а не в доме призрения для нищих и безродных детей. Он не был подкинутым ребенком и мог начертать всю свою родословную, включая сюда и родителей, которые жили по близости. Мать его была прачка, а отец пьяница — солдат в отставке, с деревянной ногой и ежедневным пенсионом в два с половиною пенса. Приказчики мальчишки из соседних лавок давно уже составили себе милую привычку дразнить Ноэ, когда он проходил по улице, давая ему всевозможные эпитеты вроде «битая шкура», «богаделка», и так далее. Ноэ все выносил молча. Теперь же, когда судьба поставила на его пути безымянного сироту, на которого всякий считал вправе указывать с презрением, он очень заинтересовался им. Какую обильную пищу для наблюдений находим мы здесь! У любого человеческого существа, будь то дитя лорда или грязный мальчишка благотворительного учреждения, живо развиты самые прекрасные и благородные качества и склонности и наоборот.

Прошло три недели или даже месяц с тех пор, как Оливер поселился у гробовщика. Лавка была закрыта, и мистер Соуэрберри ужинал вместе с миссис Соуэрберри в маленькой задней комнатке. Бросив исподтишка несколько взглядов на свою супругу, мистер Соуэрберри сказал:

— Дорогая моя... — он хотел продолжать, но миссис Соуэрберри взглянула на него так неблагосклонно, что он сразу замолчал.

— Ну?... — спросила резко миссис Соуэрберри.

— Ничего, моя дорогая, ничего, — сказал мистер Соуэрберри.

— Ах ты, животное! — сказала миссис Соуэрберри.

— Совсем нет, моя дорогая, — смиренно отвечал мистер Соуэрберри. — Я думал, что ты не желаешь слушать, милая! Я хотел сказать...

— О, не говори мне, что ты хотел сказать, — отвечала миссис Соуэрберри. — Я ведь — ничто... Пожалуйста, не советуйся со мной. Я не желаю вмешиваться насильно в твои тайны.

И, сказав это, миссис Соуэрберри истерично засмеялась, что угрожало дойти до более грозных последствий.

— Но, моя дорогая, — сказал мистер Соуэрберри, — я собирался просить у тебя совета.

— Нет, нет, не спрашивай меня, — отвечала

миссис Соуэрберри. — Спроси кого-нибудь другого.

Тут снова послышался истеричный смех, очень испугавший мистера Соуэрберри, который поспешил прибегнуть к обыкновенному и всеми одобренному супружескому средству лечения, которое почти всегда производит желаемое действие. Он просил как милостыни, как знака особенной благосклонности, чтобы миссис Соуэрберри дозволила ему сказать то, что она желала больше всего слышать. После короткого спора, длившегося три четверти часа, ему снисходительно и милостиво дали разрешение говорить.

— Это относительно молодого Твиста, моя дорогая, — сказал мистер Соуэрберри. — Такой у него хороший вид, моя дорогая.

— Как не быть хорошему виду, когда он столько ест! — ответила леди.

— На лице его всегда лежит выражение грусти, моя милая, — сказал мистер Соуэрберри, — и это придает ему интересный вид. Из него выйдет восхитительный «мьют»¹ на похоронах, моя дорогая.

Миссис Соуэрберри взглянула на него с

¹ Человек, нанятый стоять у дверей во время похорон

выражением необыкновенного удивления. Мистер Соуэрберри это заметил и, чтобы не дать ей времени отвечать, продолжал:

— Говоря эта, моя дорогая, я не думаю, чтобы он был подходящим «мьютом» для взрослых людей, но только при детских похоронах. Это было бы нечто новое, дорогая... мьют — ребенок. Можешь быть уверена, что это произведет поразительный эффект.

Миссис Соуэрберри, отличавшаяся замечательным вкусом во всем, что касалось похорон, была поражена этой новой идеей; но так как при существующих в данный момент обстоятельствах она не хотела унижить своего достоинства, сознавшись в этом, то она резко спросила своего мужа, почему же не подумал он раньше о таком очевидном для всякого деле?

Из этого вопроса мистер Соуэрберри вывел сразу правильное заключение, что предложение его одобрено; решено было поэтому, что Оливера необходимо посвятить во все тайны ремесла, для чего он должен будет сопровождать своего хозяина при первом ближайшем случае, где потребуются его услуги.

Случай не заставил себя долго ждать. На следующее утро, спустя полчаса после завтрака, в лавку вошел мистер Бамбль; приставив свою палку к конторке, он вынул из кармана кожаную

записную книжечку и, вырвав оттуда листик бумаги, подал его Соуэрберри.

— Ага! — сказал гробовщик, с видимым удовольствием прочитав то, что было там написано. — Заказ гроба?

— Прежде всего — гроб, а затем похороны от прихода — отвечал мистер Бамбль, застегивая кожаную книжечку, довольно-таки объемистую.

— Байтон? — спросил гробовщик, переводя глаза с листика бумаги на мистера Бамбля. — Я никогда раньше не слышал этого имени.

Бамбль покачал головой.

— Упрямый народ, мистер Соуэрберри, ужасно упрямый! — сказал он. — И к тому же гордый, сэр!

— Гордый?! — воскликнул мистер Соуэрберри. — Ну, это уж слишком.

— Ох! Даже тошно становится! — отвечал сторож. — Отвращение и только, мистер Соуэрберри!

— Верно! — подтвердил гробовщик.

— Мы только прошлую ночь услышали об этом семействе, — продолжал сторож. — Мы ничего не знали бы о нем, если бы не одна женщина, которая живет в том же доме; она явилась в приходский комитет с просьбою прислать приходского доктора, чтобы посетить больную женщину. Доктор уехал на обед и его фельдшер

(очень знающий малый) послал туда какое-то лекарство в баночке из-под ваксы, сделанное на скорую руку.

— Быстрота и натиск! — сказал гробовщик.

— Да, быстрота и натиск! — продолжал сторож. — Но знаете, что вышло? Знаете, что сделали эти неблагодарные, сэр? Муж приказал сказать, что лекарство это не годится для его жены и она не будет принимать его... не будет при-ни-мать его, сэр! Прекрасное, укрепляющее, благодетельное лекарство, которою так помогло двум ирландским рабочим и одному нагрузчику угля всего неделю назад!.. Послали ведь им даром, в баночке из-под ваксы... А он прислал сказать, что она не будет принимать его, сэр!

Ужас такого поступка до того возмущал мистера Бамбля, что он ударил палкой по конторке и вспыхнул от негодования.

— Вот так раз! — сказал гробовщик; — я ни-ко-гда...

— Никогда, сэр! — подхватил сторож. — Нет, никто этого не делал! Ну, а теперь она умерла, и мы должны хоронить ее, и чем скорее, тем лучше.

И, сказав это, мистер Бамбль надел свою треуголку задом наперед, не заметив этого, потому что находился в лихорадочном возбуждении, и вышел из лавки.

— Ах, Оливер, он так был сердит, что забыл

даже спросить о тебе, — сказал мистер Соуэрберри, следя глазами за сторожем, который шел по улице.

— Да, сэр! — отвечал Оливер, который во время разговора тщательно держался в стороне и дрожал с головы до ног с того самого момента, когда услышал голос мистера Бамбля. А между тем, ему совсем не надо было избегать взоров мистера Бамбля, ибо сей сановник, на которого предсказание джентльмена в белом жилете произвело крайне сильное впечатление, решил, что не стоит больше разговаривать об Оливере после того, как гробовщик взял его к себе, и лучше молчать до тех пор, пока не будет заключен контракт лет на семь, когда нечего уже будет бояться, что он снова попадет на иждивение прихода.

— Ну-с, — сказал мистер Соуэрберри, надевая шляпу, — чем скорее будет проделана вся эта история, тем лучше. Ноэ, оставайся в лавке, а ты, Оливер, надевай шапку и следуй за мной.

Оливер повиновался и последовал за хозяином. Некоторое время шли они по одной из очень густонаселенных частей города, а затем свернули в узенькую улицу, несравненно более грязную и жалкую, чем та, по которой они только что шли; здесь они остановились, чтобы отыскать дом, куда их послали. Дома с обеих сторон улицы были высокие и обширные, но очень старые и

населенные представителями самого бедного класса, что было видно по грязному и заброшенному фасаду их, не говоря уже о неряшливо одетых мужчинах и женщинах, которые случайно шныряли по улице, сгорбившись и скрестив руки на груди, или просто сложив их. В большей части этих домов были когда-то лавки, но все они теперь были или наглухо заколочены, или совсем почти развалились; жилыми были только верхние комнаты. Некоторые дома, сделавшиеся от времени и ветхости нежилыми, поддерживались в предупреждение обвала огромными столбами, приставленными верхним концом к стене и глубоко врытыми в землю нижним концом. Но даже и эти ветхие развалины служили, по-видимому, ночлежным приютом для многих бездомных бедняков; некоторые из досок, которыми были заколочены двери и окна, были в иных местах раздвинуты так, что получалось отверстие, через которое свободно мог пролезть человек. Трещины эти отличались грязью и невыносимой вонью. Там и сям внутри них копошились крысы, от голода превратившиеся чуть не в скелеты.

Ни молотка, ни звонка не оказалось у открытой двери, где остановились Оливер и его хозяин. Осторожно пробираясь по темному коридору и прижимая крепко к себе Оливера, чтобы он не испугался, поднялся гробовщик на вершушку

первого пролета лестницы. Остановившись на площадке против двери, он несколько раз постучал по ней суставом своего пальца.

Дверь открыла молодая девушка лет тринадцати-четырнадцати. Гробовщик, осмотрев внимательно комнату, сразу узнал по некоторым приметам, что она именно та, куда его направили. Он вошел, а за ним Оливер.

Комната была, очевидно, не топлена, и у холодного очага стоял какой-то мужчина и машинально грел себе руки. Позади него стоял низкий стул, на котором сидела старуха. В противоположном углу толпились дети, покрытые лохмотьями, а на полу, прямо против дверей, на тоненьком матрасике лежало нечто, покрытое рваным одеялом. Оливер вздрогнул, взглянув на это место, и еще больше прижался к своему хозяину; мальчик сразу почувствовал, что это труп.

Лицо у мужчины, стоявшего подле очага, было худое и бледное, волосы и борода с проседью, глаза красные. Лицо у старухи было совершенно сморщенное; из-под нижней губы у нее выглядывали два пока еще уцелевших зуба, но зато глаза ее были совсем живые и пронизательные. Оливер со страхом смотрел на мужчину и на старуху. Они так походили на крыс, виденных им внизу.

— Никто не смеет подходить к ней! —

крикнул мужчина, когда гробовщик подошел к телу. — Назад! Черт вас возьми, назад, если жизнь вам дорога!

— Что за безрассудство, голубчик мой, — сказал гробовщик, насмотревшийся вдоволь на горе во всех его видах и у разных классов. — Какое безрассудство!

— Говорю вам, — сказал мужчина, сжимая кулаки и с бешенством топнув по полу, — говорю вам, что я не позволю закопать ее в землю! Она не будет отдыхать там. Черви будут грызть ее... но не будут есть ее... она вся высохла.

Гробовщик не отвечал ничего на этот безумный бред. Он вынул из кармана тесьму и опустился на колени подле тела.

— Ах! — сказал мужчина, заливаясь слезами и падая на колени у ног своей жены, — становитесь на колени, становитесь на колени!.. На колени кругом нее, все вы, и слушайте мои слова! Говорю вам, она умерла от голода. Я не думал, что ей так худо, пока у нее не началась лихорадка... когда кости стали у нее видны под кожей. У нас не было ни дров, ни свечей; она умерла в темноте... в темноте. Она не могла даже видеть лица своих детей, хотя мы слышали, как она звала их по имени. Для нее просил я милостыни на улице, а они заперли меня в тюрьму. Когда я вернулся, она умирала, и вся кровь в моем теле остановилась,

потому что она умерла от голода. Клянусь всевидящим Богом, они уморили ее голодом!

Он запустил руки себе в волосы, громко вскрикнул и покатился на пол; глаза его сделались неподвижны, на губах показалась пена. Испуганные дети горько заплакали. Старуха, которая все время сидела неподвижно на стуле и как будто ничего не видела и не слышала, что делалось кругом нее, погрозила им пальцем, затем развязала галстук мужчине, продолжавшему неподвижно лежать на полу, и подошла к гробовщику.

— Это моя дочка, — сказала старуха, головой указывая на тело. — Боже мой, Боже! Как странно! Я, которая родила ее и вырастила, я жива и здорова, а она лежит здесь... холодная и окоченелая! Боже мой, Боже! Подумать только! Точно комедия какая... право, комедия!

И несчастная женщина что-то бормотала и как-то странно, неестественно хихикала. Гробовщик встал и направился к дверям.

— Стойте! Стойте! — сказала старуха громким шепотом. — Когда ее похоронят, завтра утром, на следующий день, или сегодня вечером? Я убрала ее тело и должна проводить ее. Пришлите мне широкий плащ... только очень теплый, потому что холод страшный. Недурно было бы съесть кексов и выпить вина прежде, чем идти. Ну, да что же делать! Пришлите хоть сколько-нибудь хлеба...

только один хлебец и чашку воды. Будет у нас хлеб, голубчик? — сказала она, хватая за сюртук гробовщика, который снова направился к дверям.

— Да, да, — отвечал гробовщик, — разумеется. Все, что вам угодно.

Он выдернул полу сюртука из рук старухи и, схватив Оливера за руку, бросился вон из комнаты.

На следующий день (семье еще раньше доставили хлеб и кусок сыру, который принес сам мистер Бамбль) Оливер вместе с хозяином отправился в убогое жилище, куда еще раньше прибыл мистер Бамбль в сопровождении четырех человек из дома призрения, которые должны были исполнять обязанности носильщиков. Лохмотья старухи и мужчины были уже прикрыты черными плащами; когда крышку гроба привинтили, носильщики взяли его себе на плечи и вынесли на улицу.

— Ну, теперь не жалейте ног, бабушка! — шепнул Соуэрберри старухе на ухо. — Мы можем опоздать, а мы не имеем права заставлять ждать священника. Вперед, ребята... и как можно скорее!

Выслушав это распоряжение, носильщики быстро зашагали со своей легкой ношей; провожатые покойницы старались изо всех сил держаться вблизи них. Мистер Бамбль и Соуэрберри шли на довольно значительном расстоянии впереди; Оливер, ноги которого были

далеко не так длинны, как у его хозяина, бежал сбоку.

На самом же деле оказалось, что не было совсем такой необходимости спешить, как уверял Соуэрберри. Когда процессия прибыла к темному, поросшему крапивой углу кладбища, где хоронили бедняков, священника еще не было и причетник, сидевший у огня в ризнице, сказал, что вряд ли пройдет меньше часу до его прихода. Носильщики поставили гроб подле могилы; провожатые остановились тут же, несмотря на туман и морозящий дождь, и терпеливо ждали. Несколько мальчишек в лохмотьях, которые явились на кладбище из любопытства, затеяли шумную игру, то прячась между могилами, то перепрыгивая взад и вперед через гроб. Мистер Соуэрберри и Бамбль, давнишние приятели причетника, сидели с ним у огня и читали газету.

По прошествии более чем часа мистер Бамбль, Соуэрберри и причетник спешно шли к могиле, а вскоре после этого появился и священник, на ходу еще надевавший свой стихарь. Мистер Бамбль, чтобы хоть сколько-нибудь сохранить приличие, шлепнул одного или двух мальчишек; священник на скорую руку прочитал молитву, что заняло не более четырех минут, затем передал свой стихарь причетнику и ушел.

— Ну, Билл! — сказал Соуэрберри

могильщику. — Зарывай!

Работа эта была не трудная, потому что могила была до того наполнена, что самый верхний гроб находился всего на расстоянии нескольких футов от поверхности земли. Могильщик лопатой сгреб всю землю в могилу, притоптал ее ногами, перекинул лопату через плечо и ушел, преследуемый мальчишками, которые выражали ему свое неудовольствие за то, что все так скоро кончилось.

— Идем, любезный! — сказал Бамбль мужу покойницы, хлопнув его по спине. — Сейчас запрут ворота.

Мужчина, который ни разу не двинулся еще с места, занят им подле могилы, поднял голову, с удивлением взглянул на говорившего с ним, сделал несколько шагов вперед и упал в обморок. Старуха была так занята отсутствием своего плаща (который снят был с нее гробовщиком), что решительно никакого внимания не обратила на это. Несчастливого облили холодной водой, и он пришел в себя. Когда он вышел на улицу, за ним заперли ворота кладбища, и все разошлись в разные стороны.

— Ну, Оливер, — сказал Соуэрберри на обратном пути домой, — как это понравилось тебе?

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр! — отвечал Оливер очень нерешительно. — Не очень, сэр!

— Привыкнешь со временем, Оливер! — сказал Соуэрберри. — Будешь покойнее, когда привыкнешь, мой мальчик!

Оливер мысленно спрашивал себя, сколько времени приблизительно потребовалось на то, чтобы мистер Соуэрберри привык. Но он решил, что лучше будет не спрашивать об этом и шел молча домой, думая обо всем, что он видел и слышал.

VI. Оливер, раздраженный насмешками Ноэ, начинает действовать и приводит его в удивление

Месяц испытания прошел, и Оливер был формально принят в ученики. Это был сезон, обильный заболеваниями или, говоря коммерческим языком, обильный спросом на гробы, так что в течение нескольких недель Оливер приобрел много опытности. Успех коммерческих спекуляций мистера Соуэрберри превзошел все его ожидания. Старейшие обитатели города не помнили времени, когда так свирепствовала корь, влиявшая роковым образом на существование детей; много было поэтому похоронных процессий, во главе которых шел маленький Оливер в шляпе в длинным

крепом, доходившим ему до колен, вызывая тем неописанное удовольствие и волнение всех матерей города. Таким образом Оливер, сопровождавший своего хозяина во всех процессиях умерших детей с целью приучиться к хладнокровию и уметь владеть своими нервами, что необходимо истинному гробовщику, имел возможность наблюдать замечательную покорность судьбе и мужество, с которым многие переносили выпавшее на их долю испытание.

Например, когда Соуэрберри хоронил какую-нибудь богатую старую леди или джентльмена, имевших множество племянников и племянниц, которые казались неутешными во время болезни родственницы или родственника и были, по-видимому, совершенно поглощены своим горем, выглядели на похоронах довольными и счастливыми, непринужденно и весело разговаривая между собою, как будто бы ничего решительно не случилось. Мужья переносили потери своих жен с героическим самообладанием. Жены, надевая траур по своим мужьям, как будто бы главным доказательством горя могла служить лишь известная одежда, заботились больше всего о том, чтобы костюм этот шел им к лицу. Замечателен был вообще тот факт, что все эти леди и джентльмены, так страстно выражавшие свое неутешное горе во время церемонии, тотчас же по

возвращении домой приходили в себя и совершенно успокаивались к тому времени, когда наступало время чаепития. Все это было весьма любопытно и поучительно, и Оливер с большим удивлением присматривался к этому.

Научился ли Оливер Твист покорности судьбе на примере стольких добрых людей, я не могу сказать, несмотря на то, что я его биограф; одно только могу я с достоверностью утверждать, что в течение нескольких месяцев он стойко переносил помыкания и издевательства Ноэ Клейполя, который стал относиться к нему несравненно хуже с тех пор, как начал завидовать тому, что только что поступивший на службу мальчишка фигурирует в процессиях с черной палкой и в шляпе с крепом, тогда как он, несмотря ли старшинство свое, остается по-прежнему в своей старой шапке и кожаном переднике. Шарлотта обращалась с ним худо, потому что так обращался с ним Ноэ. Миссис Соуэрберри была его непреклонным врагом, потому что мистер Соуэрберри выказывал склонность быть его другом; находясь таким образом между этими тремя особами с одной стороны и изобилием похорон с другой, Оливер чувствовал себя далеко не так хорошо, как голодный поросенок, попавший в кладовую с зерном при пивоварне.

Теперь я перехожу к весьма важному эпизоду

в истории жизни Оливера и хочу описать один случай, на первый взгляд как бы незначительный и пустой, а между тем имевший косвенное влияние на весьма существенную перемену во всех его будущих планах и поступках.

В один прекрасный день, когда наступил обычный час обеда, Оливер и Ноэ спустились в кухню, где им приготовлен был лакомый кусок баранины — полтора фунта самого скверного ошейка. Шарлотту вдруг вызвали за чем-то; Ноэ Клейполь, который был голоден и зол, решил как-нибудь использовать этот короткий промежуток времени и нашел, что наиболее подходящим для этого будет, если он начнет издеваться над Оливером Твистом.

Желая по возможности скорее предаться этой невинной забаве, он положил ноги на стол, схватил Оливера за волосы, надрал ему уши, выразил свое мнение, что он подлый трус, и затем объявил, что непременно придет смотреть, когда его повесят, где бы ни случилось это событие, которого он жаждал. Далее, как и подобало такому ожесточенному и испорченному питомцу благотворительного учреждения, стал он придумывать самые разнообразные мелочи, чтобы досадить Оливеру, но ни одна из них не привела к желанной цели — заставить мальчика заплакать. Мелочная, низкая душонка Ноэ подсказала ему, что

сегодня, если он желает достигнуть результата, необходимо придумать что-нибудь тонкое, ядовитое и он решил перейти на личности.

— Эй, ты отродье, — сказал Ноэ, — где твоя мать?

— Она умерла, — отвечал Оливер, — прошу, пожалуйста, не говорить о ней.

Оливер вспыхнул и дыхание его ускорилося; в углах рта и у ноздрей появилось нервное подергивание, — то был, по мнению мистера Клейполя, верным признаком жестокого приступа плача. Это побудило его продолжать начатое.

— Отчего же она умерла? — спросил он.

— От разбитого сердца, как говорили мне наши старые сиделки, — отвечал Оливер, говоря как бы про себя и не думая о Ноэ. — Мне кажется, я знаю, что значит умереть от разбитого сердца.

— Толи-роли, лоли, лоли, фоли-роли, — запел Ноэ, заметив слезу, скатившуюся по щеке Оливера. — О чем же ты это хнычешь?

— Не из-за того, что вы говорите, — отвечал Оливер, поспешно отирая слезу, — не думайте этого, пожалуйста!

— Эге, не из-за меня! — передразнил его Ноэ.

— Нет, не из-за вас, — резко оборвал его Оливер. — Довольно! Не смейте ничего больше говорить о ней. Лучше не говорите!

— Лучше не говорить! — воскликнул Ноэ. —

Так-с! Лучше не говорить! Не будь таким бесстыдным, отродье! Твоя мать! Ночная красotka была она, вот что! О, господи!

Ноэ выразительно кивнул головой и поднял кверху свой красный нос, считая это наиболее подходящим действием для данного случая.

— Знаешь ли ты, нищенское отродье, — продолжал Ноэ, которому молчание Оливера придавало все больше и больше смелости. — Знаешь ли, нищенское отродье, — продолжал он с оттенком притворной жалости, — теперь этому никто не поможет, и тебе даже нельзя помочь! Мне очень жаль тебя и, я уверен, всем, решительно всем жаль тебя. Да ведь ты и сам прекрасно знаешь, что твоя мать была не более, не менее, как настоящая уличная потаскуха.

— Что вы сказали? — спросил Оливер, быстро обернувшись.

— Настоящая уличная потаскуха, нищенское отродье, вот что! — отвечал Ноэ совершенно спокойно. — А потому, нищенское отродье, хорошо она сделала, что умерла, иначе ее или заперли бы в смирительный дом в Лондоне, или бы сослали на каторгу, или повесили.

Слова эти довели Оливера до бешенства; кровь бросилась ему в голову и он, вскочив с места, опрокинул стол и стул, схватил Ноэ за горло, потрянул его так, что у него зубы застучали и, собрав

все силы свои, нанес ему тяжелый удар, моментально сваливший его на пол.

Вот что сделало жестокое обращение с этим, еще минуту тому назад спокойным, кротким и безобидным созданием! Но дух его не мог не возмутиться; жестокое оскорбление, нанесенное его матери, зажгло огнем всю его кровь. Грудь его тяжело поднималась. Он стоял, вытянувшись во весь рост, глаза его сверкали и искрились, вся фигура его изменилась, когда он гневно смотрел на своего трусливого мучителя, лежавшего теперь у его ног.

— Он убьет меня! — орал во все горло Ноэ. — Шарлотта! Миссис! Новый мальчик хочет убить меня! Помогите! Помогите! Оливер сошел с ума! Шар... лотта!

Крики Ноэ были услышаны, на них отвечала громким криком Шарлотта и еще более громким миссис Соуэрберри; первая влетела в кухню из боковой двери, тогда как вторая стояла на лестнице до тех пор, пока не уверилась, что жизни ее ничто не угрожает, если она сойдет вниз.

— Ах ты, негодяй! — кричала Шарлотта, схватив Оливера за шиворот с такою силою, с какою может схватить здоровый мужчина. — Ах ты, неблагодарное, злое, гадкое создание! — И останавливаясь чуть ли не на каждом слогe, Шарлотта наносила Оливеру удар за ударом,

сопровождая каждый вскрикиванием к общему удовольствию всей компании.

Надо полагать, что кулак Шарлотты был не особенно тяжел, так как миссис Соуэрберри, думая, вероятно, что он не в состоянии усмирить безумие Оливера, влетела в свою очередь в кухню и, схватив мальчика одной рукой, принялась царапать ему лицо другой. Видя, что дело принимает вполне благоприятный оборот, Ноэ вскочил на ноги и принялся дубасить Оливера по спине.

Оживленная гимнастика длилась довольно долго. Когда, наконец, все трое устали так, что уж не в состоянии были больше ни бить, ни царапать, то потащили Оливера, который продолжал кричать и защищаться, не испытывая ни малейшего страха, в темный подвал и заперли его там. По окончании расправы миссис Соуэрберри упала в кресло и залилась слезами.

— Ах, Бог мой, она умирает! — воскликнула Шарлотта. — Стакан воды, голубчик Ноэ! Скорей!

— О, Шарлотта, — сказала миссис Соуэрберри, говоря задыхающимся и еле слышным голосом после того, как Ноэ облил ей голову и плечи изрядным количеством воды. — О, Шарлотта, какое счастье что нас всех не убили в постели!

— Да, большое счастье, ма'ам, — отвечала Шарлотта. — Надеюсь, что это будет хорошим

уроком хозяину, чтобы он не брал больше этих ужасных созданий, которые с самой колыбели своей предназначены быть убийцами и грабителями. Бедняжка Ноэ! Он бы наверное был убит, ма'ам, не приди я вовремя.

— Бедняжечка! — сказала миссис Соуэрберри, с состраданием глядя на Ноэ.

Ноэ, жилетные пуговицы которого были наравне с верхушкой головы Оливера, принялся из всей силы тереть себе глаза кулаками, пока произносились эти сожаления о нем и пока ему не удалось выжать несколько слезинок. Он даже, в конце концов, начал всхлипывать.

— Ах, что же нам делать! — воскликнула миссис Соуэрберри; — хозяина нет дома и ни одного мужчины! Ведь не пройдет и десяти минут, как он выбьет эту дверь.

Сильные удары кулаком и ногами, сыпавшиеся на дверь, за которою был заперт Оливер, делали до некоторой степени вероятным такое предположение.

— Боже мой милостивый! Не знаю, право, ма'ам, — сказала Шарлотта; — не послать ли нам за полицейскими?

— Или за солдатами? — спросил мистер Клейполь.

— Нет, нет! — сказала миссис Соуэрберри, вспомнив в эту минуту старого друга Оливера. —

Беги к мистеру Бамблю, Ноэ, и скажи ему, чтобы он пришел сейчас же, не откладывая ни единой минутки.... Беги без шапки! Беги скорей! Держи нож на синяке, пока ты бежишь.... от холода опухоль спадет.

Ноэ не отвечал ни единого слова и пустился бежать во всю крыть, на какую был только способен. Все прохожие останавливались с удивлением, при виде мальчика из благотворительного учреждения, который, как вихрь, неся по улице без шапки и с приложенным к глазу складным ножом.

VII. Оливер продолжает упорствовать

Ноэ Клейполь неся по улице, не останавливаясь даже для того, чтобы перевести дыхание, пока не добежал до ворот дома призрения. Постояв минуту-две, чтобы подготовить приличествующие обстоятельства рыдания и слезы и придать себе несчастный вид, он громко постучал в калитку. Старик нищий, открывший ему калитку, увидел перед собой до того несчастное лицо, что даже он, ничего кроме жалких лиц вокруг себя не видевший, был страшно поражен и отскочил назад.

— Что... что с тобой, мой милый? — воскликнул старик.

— Мистер Бамбль! Мистер Бамбль! — вопил Ноэ замечательно искусно разыгранным тоном ужаса и так громко, что голос его не только достиг до слуха мистера Бамбля, который был недалеко оттуда, но так встревожил его, что он выскочил во двор без треуголки. Весьма любопытное и замечательное обстоятельство, которое показывает, что даже приходский сторож может под влиянием внезапного и сильного импульса прийти до моментальной потери самообладания и даже забыть свое достоинство.

— О, мистер Бамбль, сэра! — сказал Ноэ. — Оливер, сэра!.. Оливер....

— Что? Что такое? — перебил его мистер Бамбль, и металлические глаза его сверкнули удовольствием. — Не убежал ли он? Не убежал, Ноэ?

— Нет, сэра, нет! Не убежал, сэра, но взбесился, — отвечал Ноэ. — Он хотел убить меня, сэра! Потом пробовал убить Шарлотту, а потом миссис. Ох, какие ужасные терзания! Какая мука, сэра! — И Ноэ начал корчиться и изгибаться с ловкостью настоящего угря, стараясь в то же время дать понять мистеру Бамблю, что Оливер Твист нанес ему оскорбление и даже побои, от которых он чувствует какое то внутреннее повреждение, причиняющее адские муки.

Когда Ноэ увидел, что сообщение его совсем

ошеломило мистера Бамбля, он стал еще больше кривляться и в десять раз еще громче оплакивать нанесенные ему повреждения, а когда он увидел идущего по двору джентльмена в белом жилете, то трагизм его жалоб превзошел все, что было до сих пор. Делал он это, рассчитывая на то, что ему удастся обратить на себя внимание и возбудить негодование вышеупомянутого джентльмена.

Внимание джентльмена было действительно скоро привлечено. Не сделал он и трех шагов, как сердито обернулся и спросил, чего там воеет эта дрянь и почему мистер Бамбль до сих пор не угостил его чем-нибудь таким, что сразу изменило бы этот ряд вольных восклицаний на невольные?

— Это бедный мальчик из бесплатной школы, сэр, — отвечал на это мистер Бамбль, — его едва не убил... всех едва не убил, сэр.... молодой Твист.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул джентльмен в белом жилете, сразу останавливаясь на месте. — Я так и знал! Я с первого еще раза имел странное предчувствие, что этот дерзкий молодой дикарь будет когда-нибудь повешен!

— Он пытался также, сэр, убить служанку, — сказал мистер Бамбль, лицо которого приняло землистый оттенок.

— И хозяйку, — перебил его мистер Клейполь.

— И хозяина... так, кажется, сказал ты,

Ноэ? — спросил мистер Бамбль.

— Нет, хозяина не было дома, не то он убил бы и его, — отвечал Ноэ. — Он говорил, что хочет сделать это.

— Ага! Говорил, что хочет сделать это? Да, мой мальчик? — спросил джентльмен в белом жилете.

— Да, сэр, — отвечал Ноэ. — Сэр, миссис просила узнать, будет ли время мистеру Бамблю прийти к ней сейчас же и высечь его, потому что хозяина нет дома.

— Разумеется, мой мальчик, разумеется, — сказал джентльмен в белом жилете, благосклонно улыбаясь и погладив голову Ноэ, который был почти на три дюйма выше его. — Ты добрый мальчик... очень добрый мальчик... Вот тебе один пенс. Бамбль, идите скорей к Соуэрберри с палкой и там увидите что надо сделать... не щадите его.

— Будьте спокойны! — отвечал сторож, поправляя вощеную веревку, которая была обмотана вокруг его палки и предназначалась на случай приходских воздаяний.

— Скажите Соуэрберри, чтобы и он не щадил его. Он никогда и ничего не сделает из него без палки, — сказал джентльмен в белом жилете.

— Постараюсь, сэр! — отвечал сторож, и так как за это время треуголка и палка были приведены в порядок, к великому удовольствию их хозяина, то

мистер Бамбль и Ноэ Клейполь поспешили к лавке гробовщика.

Здесь они нашли положение вещей нисколько не изменившимся. Соуэрберри не вернулся еще домой, и Оливер с прежней силой стучал в двери подвала. Миссис Соуэрберри и Шарлотта в таком виде представили свирепость, овладевшую мальчиком, что мистер Бамбль решил прежде поговорить с ним, а затем уже отворить дверь.

С целью некоторого предупреждения он, прежде всего, стукнул с наружной стороны двери, а затем приложился ртом к замочной скважине и сказал густым и внушительным голосом:

— Оливер!

— Выпустите вы меня наконец, или нет?

— Ты узнаешь мой голос, Оливер?

— Да, — отвечал Оливер.

— И ты не боишься его, сэр? Ты не дрожишь, когда я говорю, сэр? — спросил мистер Бамбль.

— Нет! — отвечал грубо Оливер.

Ответ, совершенно не похожий на тот, которого он ждал, и к которому привык, немало поразил мистера Бамбля. Он отошел от замочной скважины, вытянулся во весь рост и с безмолвным удивлением переводил свой взор с одного на другого из трех присутствовавших лиц.

— О, знаете ли, что я вам скажу, мистер Бамбль? Он, наверное, сошел с ума, — сказала

миссис Соуэрберри. — Ни один мальчик, будь он хоть наполовину в своем уме, не посмел бы так говорить с вами.

— Это не сумасшествие, ма'ам, — отвечал мистер Бамбль после нескольких минут глубокого размышления, — а это все говядина, вот что!

— Что-о? — воскликнула миссис Соуэрберри.

— Мясо, ма'ам, мясо! — отвечал Бамбль. — Вы перекормили его, ма'ам. Вы искусственным способом подняли его дух, что неуместно с такими, как он. Члены комитета, убедившиеся в этом на практике, скажут вам то же самое, миссис Соуэрберри. К чему нищим высокий дух и нежные чувства? Достаточно и того, что тела их существуют. Если бы вы держали мальчишку на одной каше, этого никогда не случилось бы.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнула миссис Соуэрберри, набожно подымая глаза к потолку. — Вот что значит быть добрым и щедрым!

Щедрость миссис Соуэрберри по отношению к Оливеру заключалась в том, что она кормила его такими объедками, которых никто не решался есть. Но только такая кроткая и самоотверженная леди, как она, могла добровольно перенести несправедливое и тяжелое обвинение мистера Бамбля, будучи, в сущности, ни в чем неповинной.

— Мне думается, — сказал мистер Бамбль, когда кроткая леди снова опустила глаза к земле, —

мне кажется, что в настоящее время вы можете сделать только одно: оставьте его в подвале приблизительно на сутки, пока он не проголодается хорошенько, затем выпустите его и держите его на одной каше все время, пока он живет у вас. И сиделка, и доктор говорят, что на долю его матери выпало столько горя и лишений, что другая на ее месте не выдержала бы этого и умерла бы несравненно раньше, чем она.

Не успел мистер Бамбль кончить своей речи, как Оливер, достаточно хорошо слышавший, что снова делаются какие-то намеки на его мать, заколотил в двери с такою силою, что не было возможности говорить друг с другом. В эту то критическую минуту появился наконец и сам мистер Соуэрберри. Обе леди немедленно доложили ему о преступном поведении Оливера, приправив свой рассказ такими подробностями, которые неминуемо должны были взбудоражить всю его желчь. Он тотчас бросился к подвалу, открыл дверь и вытащил за шиворот своего непокорного ученика.

Вся одежда Оливера оказалась изорванной во время наносимых ему побоев, лицо в кровоподтеках и царапинах, волосы были все спутаны и падали на лоб. Он был красен от страшного нервного возбуждения и, когда его вытащили, он с невыразимой злобой взглянул на

Ноэ и видно было, что теперь никто и ничто испугать его не может.

— Хорош же ты, малый, нечего сказать! — воскликнул мистер Соуэрберри, дав ему пинка ногою и ударив его по уху.

— Он осмелился оскорбить мою мать!

— Ну, так что ж из этого следует, неблагодарная ты тварь, — сказала миссис Соуэрберри; — она заслужила того, что он сказал о ней и даже еще больше!

— Нет, не заслужила, — сказал Оливер.

— Заслужила, — отвечала миссис Соуэрберри.

— Это ложь! — воскликнул Оливер.

Миссис Соуэрберри зарыдала.

Слезы эти не оставляли больше никакого выбора мистеру Соуэрберри. Если минуту тому назад он не решался строго наказать Оливера, то теперь, что должно быть вполне ясно каждому опытному читателю, он не мог отказаться от этого, не рискуя получить самых нежных супружеских эпитетов, в роде скотины, жестокосердного мужа, бесчеловечной твари, жалкого подражания человеку и тому подобных приятных и многочисленных названий, которыми мы могли бы заполнить целую главу, будь только у нас для этого место. Надо, однако, отдать ему справедливость и сказать, что будь только это в его власти, он не

наказал бы мальчика, потому что сам он был расположен к нему, в своих интересах, во-первых, а во-вторых потому, что жена не любила его. Но поток слез не давал ему выхода из неприятного положения, а потому он так расправился с Оливером, что даже сама миссис Соуэрберри вполне осталась довольна этим, а мистеру Бамблю не оказалось нужным обращаться к своей приходской палке. Всю остальную часть дня Оливер просидел в задней части кухни, в обществе насоса и ломтя хлеба, а вечером миссис Соуэрберри, сделав предварительно несколько разнообразных замечаний, не особенно лестных для памяти его матери, заглянула в кухню и Оливер, осыпаемый насмешками и обидными замечаниями Ноэ и Шарлотты, был отправлен спать наверх.

Только оставшись один среди тишины и безмолвия мрачной лавки гробовщика, Оливер дал волю своим чувствам. Все насмешки и упреки выслушал он с видом пренебрежения; без крика и слез вынес он удары ремнем; сердце его преисполнено было той гордости и презрения, которые заставляют сдерживать крики даже и в том случае, если бы вас живьем поджаривали на огне. Но теперь, когда никто не видел и не слышал его, он упал на колени и, закрыв лицо руками, рыдал так, как редко кто в его возрасте может рыдать.

Долго и неподвижно оставался Оливер в

таком положении. Свеча медленно догорала в подсвечнике, когда он вскочил на ноги. Оглянувшись внимательно кругом и прислушавшись, он подошел к двери, осторожно, чтобы не делать шума, открыл ее и выглянул на улицу.

Ночь была темная и холодная. Звезды показались мальчику глазами, которые были гораздо дальше от земли, чем он привык видеть их; ветра не было совсем, и мрачные тени, отбрасываемые деревьями на землю, казались призрачными и неподвижными, словно привидения, выходящие из могилы. Он тихонько притворил дверь и затем при тусклом свете догоравшей свечи связал в носовой платок несколько вещей, принадлежавших ему и, усевшись на скамейку, стал ждать рассвета.

Как только первые лучи света стали пробиваться сквозь щели в ставнях, Оливер встал и снова открыл двери. Робкий взгляд кругом... минутное колебание... дверь была заперта, и Оливер вышел на улицу. Он взглянул направо, затем налево, не зная, куда ему лучше бежать. Тут он вспомнил, что повозки, выезжая из города, направляются обыкновенно в гору. Он повернул также в ту сторону и пошел по тропинке, пересекающей поля; он знал хорошо, что, пройдя по ней некоторое расстояние, он выйдет на

большую дорогу, а потому быстро двинулся вперед.

Оливер вспомнил, что по этой самой тропинке он шел с мистером Бамблем, когда тот вел его с фермы в дом призрения. Она, следовательно, должна идти мимо коттеджа. Сердце его так сильно забилося при этой мысли, что он едва не вернулся назад. Но он прошел уже так много, что решил не тратить напрасно времени на обратный путь. К тому же, было еще очень рано и ему нечего было бояться, что кто-нибудь увидит его. После минутного колебания он двинулся дальше.

Скоро он был у фермы; ничто не показывало, чтобы кто-нибудь из обитателей ее встал в такой ранний час. Оливер остановился и заглянул в сад. Какой-то мальчик полол одну из грядок; услышав, что кто-то остановился, он поднял бледное личико и Оливер узнал черты одного из своих бывших товарищей. Оливер очень обрадовался, что ему удалось видеть его прежде, чем он уйдет навсегда; хотя он был моложе его, но он всегда был его другом и товарищем в играх. Сколько раз делили они вместе побои, и голод, и заключение!

— Дик! — крикнул Оливер, когда мальчик подбежал к воротам и просунул ему руку сквозь решетку. — Никто еще не встал?

— Никто, кроме меня, — отвечал мальчик.

— Никому не говори, Дик, что ты меня видел, — сказал Оливер. — Я в бегах. Они били и

истязали меня, Дик, и вот теперь я иду искать счастья... Далеко!.. А куда, не знаю. Какой же ты бледный!

— Я слышал, как доктор сказал, что я умираю, — отвечал мальчик, слегка улыбаясь. — Я так рад, голубчик, что увидел тебя. Только ты не стой тут, уходи скорей.

— Да, да, сейчас уйду. Я хочу только проститься с тобой, — отвечал Оливер. — Я еще увижу тебя, Дик! Знаю, что увижу. Ты будешь здоров и счастлив!

— Надеюсь, — отвечал мальчик, — только когда я умру, не раньше. Я знаю, что доктор прав, Оливер, потому что я часто вижу во сне небо и ангелов, и много добрых лиц, которых я никогда не вижу наяву. Поцелуй меня, — продолжал он, вскарабкавшись на довольно низкие ворота и обвивая шею Оливера своими ручонками. — Прощай, дорогой, Бог да хранит тебя!

Благословение это из уст ребенка впервые было призвано на голову Оливера, который никогда во всю последующую жизнь свою, полную борьбы за существование и страданий, забот и разных превратностей, не забывал его.

VIII. Оливер идет в Лондон и на пути встречает необыкновенно странного

МОЛОДОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА

Оливер дошел до места, где кончалась тропинка, и вышел на большую дорогу. Было восемь часов утра. Несмотря на то, что он находился в пяти милях от города, он продолжал идти с тою же поспешностью, прячась за изгородями, пока не наступил полдень. Он боялся, что его проследуют и могут поймать. Тут он присел у верстового столба, чтобы отдохнуть, и стал раздумывать о том, куда ему идти и чем ему жить.

На верстовом столбе, у которого он сидел, находилась надпись большими буквами, гласившая о том, что от этого места остается всего только семьдесят миль до Лондона. Название это пробудило целый ряд мыслей в голове мальчика. Лондон!.. Большой город!.. Никто, даже сам мистер Бамбль, не будет в состоянии найти его там! Он часто слышал, как старики в доме призрения говорили, что никто, у кого есть толк в голове, не нуждается в Лондоне; они говорили, что в этом обширном городе можно найти столько способов зарабатывать себе деньги, что люди, родившиеся и выросшие в провинции, и понятия об этом не имеют. Настоящее место для бездомного мальчика, которому придется умереть на улице, если никто не поможет ему. Надумавшись об этом вдоволь, он вскочил на ноги и пошел дальше.

Расстояние между ним и Лондоном уменьшилось не более, как на четыре мили, когда в голове у него мелькнула мысль, сколько придется ему перенести прежде, чем он достигнет места своего назначения? Обстоятельство это так поразило его, что он замедлил шаги, раздумывая о средствах добраться до места. В узле у него ничего не было, кроме черствого куска хлеба, грубой рубашки да двух пар чулок. В кармане всего один пенс, подаренный ему Соуэрберри на каких-то похоронах, когда он исполнил свою обязанность экстраординарно хорошо. «Чистая рубаха», — думал Оливер, — «хорошая вещь, и две пары чулок тоже, и пенс тоже, но всего этого мало, чтобы пройти шестьдесят пять миль в холодное время». — Тут Оливер, который отличался необыкновенной находчивостью и деятельностью, когда нужно было разобраться в разных затруднениях, растерялся подобно большинству людей, когда дело дошло до того, чтобы справиться с этими затруднениями. После долгих размышлений, не приведших его ни к каким положительным результатам, молча переложил он свой узелок на другое плечо и продолжал путь.

Двадцать миль прошел в этот день Оливер и за все это время ничего не ел, кроме сухих корок хлеба и нескольких глотков воды, которую он выпросил у дверей коттеджа, стоявшего у самой

дороги. Когда наступила ночь, он повернул на луг и, забравшись под стог сена, решил пролежать здесь до самого утра. Сначала он очень боялся, прислушиваясь к стону и свисту ветра, свободно разгуливавшего по полям. Он был голоден, ему было холодно и он более чем когда-либо раньше чувствовал себя одиноким. Тем не менее, он так устал от ходьбы, что скоро заснул и забыл все свои огорчения.

Он чувствовал себя совершенно окоченелым, когда проснулся на следующее утро, и до того голодным, что поспешил обменять свой пенс на кусок хлеба в первой же деревне, через которую проходил. Он не прошел и двенадцати миль, когда снова наступила ночь, проведенная им на этот раз на незащищенном от ветра и болотистом месте. Когда на следующее утро он встал и двинулся в путь, то еле передвигал ноги.

Дойдя до подошвы горы, он остановился, поджидая ехавшую сзади почтовую карету, и попросил милостыни у сидевших снаружи пассажиров. Но они не обратили на него внимания, а некоторые предложили ему подождать, пока они доедут до верхушки горы, чтобы дать им возможность посмотреть, как скоро может он бегать за полпенса. Бедный Оливер попробовал бежать рядом с каретой, но не в состоянии был сделать этого по причине страшной усталости и

израненных ног. Сидевшие снаружи пассажиры называли его за это ленивой собакой и спрятали свои полупенсы в карман. Карета быстро покатила вперед, оставив после себя одно только облако пыли.

В некоторых деревнях, где он проходил, были прибиты доски с надписью, предостерегающей всякого, кто вздумает просить милостыню, что его посадят в тюрьму. Это так пугало Оливера, что он спешил как можно скорее уйти из этих деревень. Там, где не было таких досок, он останавливался подле гостиницы и грустно смотрел на проходивших мимо него; кончалось это обыкновенно тем, что хозяйка гостиницы приказывала кому-нибудь из проходивших мимо почтальонов прогнать странного мальчика, который, наверное, высматривает, нельзя ли ему стянуть что-нибудь. Если он подходил просить милостыни к какой-нибудь ферме, то в девяти случаях на десять ему угрожали тем, что на него спустят собаку. Если он заглядывал в лавку, ему напоминали о полицейском.

Не попадись Оливеру добросердечный сторож у заставы и добрая старая леди, все страдания его так же скоро кончились бы, как и страдания его матери, или, говоря другими словами, его нашли бы мертвым на большой столичной дороге. На его счастье, однако, сторож у заставы накормил его

хлебом и сыром, а старая леди, внук которой потерпел крушение и бедствовал теперь где-то далеко, сжалилась над бедным сиротой и дала ему то, что могла дать по своим средствам, прибавив к этому ласковое и доброе слово и слезу сочувствия и сожаления, что еще глубже запало в душу Оливера, чем все страдания, перенесенные им до сих пор.

Рано утром на седьмой день после того, как Оливер покинул место своего рождения, входил он медленно в маленький городок Барнет. Окна были закрыты еще ставнями, улицы пусты, ни единая душа не выходила еще, по-видимому, на свою ежедневную работу. Солнце всходило уже, однако, во всем своем великолепии, свет его еще больше напомнил мальчику его одиночество и нищету, когда он сидел на приступочке у дверей дома, весь покрытый пылью и с окровавленными ногами.

Но вот ставни начали постепенно открываться, поднялись шторы на окнах и народ задвигался по улице. Некоторые останавливались и с минуту или две смотрели на Оливера или пробегали поспешно мимо, а затем возвращались, чтобы посмотреть на него; на никто не помог ему, никто не спросил, что с ним такое. У него не хватало духу просить милостыни, и он продолжал сидеть.

Некоторое время просидел он так на приступочке, удивляясь большому количеству

трактиров (в Барнете они были через дом, большие и маленькие), безучастно рассматривая проезжающие мимо кареты и думая при этом, как странно, что им требуется только несколько часов, чтобы проехать то пространство, на которое ему потребовалась целая неделя ходьбы. В эту минуту внимание его было привлечено мальчиком, который прошел мимо него несколько минут тому назад, а теперь следил за ним очень внимательно с противоположной стороны улицы. Сначала он не обратил на это внимания, но, видя, что мальчик по-прежнему остается на том же месте и не спускает с него глаз, он поднял голову и в свою очередь взглянул на него. Мальчик тотчас же перешел улицу и, подойдя к Оливеру, сказал:

— Эй, ты, чего ты тут сидишь?

Мальчик, предложивший этот вопрос нашему маленькому путнику, был почти одних с ним лет, но вид у него был такой странный, что Оливер не мог припомнить, чтобы он видел что-нибудь подобное. Лицо у него было самое обыкновенное, курносое, плоское, а что касается грязи, то грязнее этого юноши и представить себе ничего нельзя было; зато все движения его и манеры являлись подражанием взрослому джентльмену. Он был мал для своих лет, с кривыми ногами и маленькими, острыми, неприятными глазами. Шляпа на его голове сидела так свободно, что могла ежеминутно

свалиться с нее, да она и свалилась бы, не будь ее владелец так ловок, что одним, совершенно неожиданным движением головы водворял ее на прежнее место. Сюртук, надетый на нем, доходил ему чуть ли не до пяток; рукава сюртука почти наполовину были завернуты наверх, с тою целью вероятно, чтобы дать ему возможность засунуть свои руки в карманы полосатых плисовых брюк. Это был, во всяком случае, юный джентльмен, четырех футов, шести дюймов росту, напускающий на себя непомерную важность.

— Эй, ты! Что с тобой?

— Я очень голоден и очень устал, — отвечал Оливер, и глаза его наполнились слезами. — Я издалека, и вот уже семь дней, как я иду.

— Семь целых дней! — воскликнул юный джентльмен. — О, понимаю! По распоряжению клюва, да? Но, — продолжал он, заметив удивление Оливера, — ты, я вижу, не понимаешь, что такое клюв, мой наивный товарищ!

На это Оливер отвечал ему, что он всегда слышал, что этим словом называют рот у птиц.

— Э-э... молодо, зелено! — воскликнул молодой джентльмен. — Клювом называют судью², а когда судья прикажет тебе идти, то ты пойдешь не

² Beak — клюв, но на воровском языке — судья, полиция

вперед, а наверх и никогда не сойдешь опять вниз. Был ты когда-нибудь на мельнице?

— На какой мельнице? — спросил Оливер.

— На какой! Да на мельнице... в такой маленькой, что вертишься в ней, как в каменной кружке³. И чем больше попадаютя люди впросак, тем лучше она мелет, чем меньше попадаютя, тем хуже, все от того, что рабочих взять негде. Идем, однако, — продолжал юный джентльмен. Ты хочешь погрызть чего-нибудь, я тоже. Беда только, сам я сижу на мели теперь... Шиллинг, да пенни, вот и все. Ну, да раздобуду как-нибудь. Вставай же на ноги! Так! Скорее вперед.

Юный джентльмен помог Оливеру встать на ноги и повел его в находившуюся поблизости мелочную давку, где купил порядочный кусок ветчины и четырехфунтовый хлеб, который он называл «четырепенсаемыми отрубями». Такие хлеба часто предназначаются для сохранения ветчины от пыли, для чего внутри хлеба вырезается кусок мякиша и в образовавшуюся полость кладется ветчина. Юный джентльмен взял хлеб подмышку и направился к небольшому трактиру; войдя туда, он провел Оливера в заднюю комнату и приказал подать себе туда пива. Оливер,

³ Jug — кувшин, в просторечии — тюрьма

воспользовавшись приглашением своего нового друга, принялся с нескрываемым аппетитом за трапезу, во время которой странный мальчик время от времени внимательно наблюдал за ним.

— В Лондон идешь? — спросил мальчик, когда Оливер кончил есть.

— Да.

— И квартира у тебя есть?

— Нет.

— А деньги?

— Нет.

Странный мальчик свистнул и заложил руки в карман так далеко, как только позволяли ему его рукава.

— Вы живете в Лондоне? — спросил Оливер.

— Да... живу, когда бываю у себя дома, — отвечал мальчик. — Тебе, я думаю, хотелось бы найти такое местечко, где ты мог бы провести ночь... правда?

— Да, — отвечал Оливер. — С тех пор, как я ушел из провинции, я ни разу еще не спал под крышей.

— Ну, не три своих глаз из-за таких пустяков, — сказал юный джентльмен. — Сегодня вечером я думаю быть в Лондоне; я знаю там одного очень почтенного старого джентльмена, который даст тебе квартиру моментально и никогда платы не спросит... разумеется, в том случае, если

тебя приведет знакомый ему джентльмен. А не знает он разве меня? О, нет! Ни капельки! Ни в каком случае! Разумеется, нет!

Юный джентльмен улыбнулся, как бы желая показать, что в маленьких отрывках его фраз заключается крайне игривая ирония, и, довольный собой, залпом докончил пиво.

Неожиданное предложение ночлега было слишком соблазнительно, чтобы отказаться от него, тем более что непосредственно за ним следовало уверение в том, что старый джентльмен без сомнения доставит Оливеру какое-нибудь местечко и в самом непродолжительном времени. Это привело к дружеской и откровенной беседе, из которой Оливер узнал, что друга его зовут Джек Доукинс и что он пользуется исключительным расположением и покровительством упомянутого выше джентльмена.

Нельзя сказать, чтобы наружность мистера Доукинса говорила особенно в пользу удобств, доставляемых его патроном тем, которых он брал под свое покровительство; но так как он говорил все время легкомысленно и несвязно, а затем совершенно откровенно сознался в том, что товарищам своим он больше известен под названием «ловкого Доджера»⁴, то Оливер решил,

⁴ Dodger — плут

что он, вероятно, очень беззаботен и расточителен, а потому благодетель его махнул на него рукой. Находясь под таким впечатлением, он втайне решил, что он постарается как можно скорее внушить старому джентльмену хорошее мнение о себе. Если же Доджер окажется неисправимым, в чем он был почти уверен, то постарается отклонить от себя честь дальнейшего знакомства с ним.

Так как Джек Доукинс отказался войти в Лондон раньше наступления ночи, то было уже одиннадцать часов, когда они подошли к Излингтону. От Энджеля они прошли на улицу Сент-Джонс, повернули в переулок, кончавшийся у Седлер-Уэльского театра, затем по Эксмоуз-Стриту и Канпис-Роу, прошли по небольшому двору приюта, затем, наискось через Хокдей, далее по Малой Сафрон-Гиль и по Большой Сафрон-Гиль, где Доджер пустился скорым шагом, рекомендуя Оливеру не отставать от него.

Несмотря на то, что все внимание Оливера было занято его проводником, он все же не мог удержаться от искушения бросить несколько взглядов на ту и другую сторону улицы, по которой они шли. Более грязного и отвратительного места он ни разу еще не видел. Улица была очень узкая, грязная и воздух в ней был пропитан зловонием.

Здесь было везде очень много маленьких лавочек, единственным товаром которых были, по-видимому, только дети; несмотря на такой поздний час ночи, они то выползали из дверей лавочек, то вползали туда или во весь голос ревели внутри. Единственными торговыми учреждениями, которые, по-видимому, процветали среди этой грязи и нищеты, были трактиры, наполненные самыми бесшабашными ирландцами, которые ругались, что называется, вовсю. Крытые проходы и дворы, то там, то здесь идущие в сторону от главной улицы, открывали вид на небольшое помещение, где пьяные мужчины и женщины буквально валялись в грязи; из некоторых дверей, пробираясь осторожно, как тени, выходили какие-то люди весьма подозрительной наружности, отправляясь, по всей вероятности, в какую-нибудь, далеко не безупречную экспедицию.

Оливер начинал уже подумывать, не лучше ли будет улизнуть оттуда, когда они подошли к самому концу улицы. Его спутник схватил его за руку, толкнул в открытую дверь дома, находившегося вблизи Фильд-Лена, и потащил его в проход, затворив предварительно дверь за собою.

— Кто там? — крикнул чей-то голос в ответ на свист Доджера.

— Плюмми и Слем! — отвечал Доджер.

Надо полагать, что слова эти были заранее

условленным паролем, так как вслед за этим на стене в противоположном конце прохода, показался слабый свет свечи и из кухни в том месте, где находилась лестница со сломанными перилами, выглянуло лицо мужчины.

— Вас двое? — спросил он, вытягивая дальше руку со свечой, а другою рукой прикрывая глаза. — Кого ты привел?

— Нового товарища, — отвечал Джек Доукинс, толкая Оливера вперед.

— Откуда он?

— Из земли простофилей. Где Феджин? Наверху?

— Да, сортирует платки. Идите же! — мужчина скрылся за дверью, а вместе с ним и свеча.

Оливер, ощупывая путь одной рукой, а другой держа крепко руку товарища, с трудом подымался по темной, сломанной лестнице, тогда как проводник его шел совершенно свободно, видимо хорошо знакомый с этим домом. Он открыл дверь задней комнаты и втащил туда за собою Оливера.

Стены и потолок этой комнаты были почти черные от долголетней грязи и копоти. Против плиты стоял большой стол, на котором горела свеча, стояла бутылка имбирного пива, две или три оловянных чашки, хлеб, масло и тарелка. На сковородке, стоящей на плите, жарились сосиски; подле плиты у сковородки стоял старый еврей;

отталкивающее лицо которого было слегка закрыто нависшими красновато-рыжими волосами. Одет он был в сером, фланелевом халате с открытой впереди грудью; внимание его было, по-видимому, разделено между сковородкой и вешалкой, на которой висело множество шелковых носовых платков. Несколько постелей, состоявших из грубых соломенников, лежали друг подле друга на полу. Кругом стола сидели четыре или пять мальчишек, не старше Доджера; они курили глиняные трубки и пили водку с важностью, присущею подросткам. Все они столпились вокруг своего товарища, когда тот шепнул что-то на ухо еврею, а затем все повернулись и с улыбкой смотрели на Оливера. То же самое сделал и еврей.

— Это он самый, Феджин, — сказал Джек Доукинс, — мой друг Оливер Твист.

Еврей засмеялся и, отвесив низкий поклон Оливеру, протянул ему руку, выразив надежду, что он будет иметь честь ближе познакомиться с ним. Тогда молодые джентльмены с трубками окружили его, крепко пожимая ему руки, особенно ту, которая держала маленький узелок. Один молодой

джентльмен позаботился о том, чтобы повесить его шапку, другой очень обязательно засунул руки в его карманы, говоря, что хочет сам все вынуть из них, чтобы он уже не беспокоился об этом, когда будет ложиться спать, потому что очень устал. Не знаю, как далеко зашли бы эти любезности, не прогуляйся вилка еврея по головам и плечам этих крайне обязательных юношей.

— Мы очень рады видеть тебя, Оливер, очень рады, — сказал еврей. — Доджер, возьми сосиски и поставь кадку у огня для Оливера. Ага! Ты смотришь на носовые платки... Эх, мой голубчик! Их тут очень много, не правда ли? Мы только что сортировали их и приготовили для стирки. Вот и все, Оливер, вот и все! Ха-ха-ха!

Последняя часть спича вызвала оглушительный восторг со стороны подающих большие надежды питомцев веселого старого джентльмена. После этого все принялись ужинать.

Оливер съел свою порцию и тогда еврей, приготовив в стакане смесь горячего джина с водой, приказал ему выпить ее залпом, говоря, что другой джентльмен ждет своей очереди. Оливер сделал, как ему было приказано, и вскоре после этого почувствовал, что его осторожно поднимают и кладут на один из лежащих на полу соломенников. Спустя минуту он спал уже глубоким сном.

IX. Дальнейшие подробности, касающиеся веселого старого джентльмена и его подающих надежду питомцев

На следующее утро Оливер проснулся поздно после тяжелого продолжительного сна. В комнате никого не было, кроме старого еврея, который варил кофе в кастрюльке и тихонько насвистывал, мешая его железной лопаткой. По временам он останавливался и прислушивался к шуму, доносившемуся снизу; успокоившись тем, что слышал, он снова начинал свистеть и мешать ложкой кофе.

Хотя Оливер и проснулся уже, тем не менее, он оставался еще в том состоянии между сном и бодрствованием, когда в течение целых пяти минут лежишь с полуоткрытыми глазами и лишь наполовину сознаешь, что происходит кругом; но стоит только закрыть глаза и моментально погружаешься в полное бессознательное состояние.

В таком-то состоянии находился и Оливер. Он видел еврея сквозь полуоткрытые глаза, слышал его тихий свист, ясно узнавал звук ложки, царапавшей стенки кастрюли, и в то же время все чувства его заняты были не им, а теми, которых он когда-либо знал.

Когда кофе был готов, еврей отставил его на край плиты и несколько минут стоял в нерешительности, как бы не зная, на что употребить ему свое время. Обернувшись в сторону Оливера, он взглянул на него и назвал его по имени. Мальчик не отвечал, и крепко, по-видимому, спал.

Успокоившись на этот счет, еврей подошел к двери и запер ее на ключ. Затем, как показалось Оливеру, он отодвинул какую-то дощечку и из отверстия вынул небольшой ящик, который осторожно поставил на стол. Глаза его сверкнули, когда он открыл крышку и заглянул туда. Он подвинул старый стул и сел на него, а затем вынул из ящика великолепные золотые часы, сверкавшие драгоценными камнями.

— Ага! — сказал еврей, подымая кверху плечи, причем все лицо его осветилось отвратительной улыбкой. — Ловкие собаки! Ловкие! Стойкие до конца! Ничего не сказали старому пастору, где они были. Не донесли на старого Феджина. Да и какая польза, если бы донесли! Узел на веревке от этого все равно не развязался бы! Нет, нет, нет! Лихие ребята! Лихие!..

Продолжая таким образом рассуждать вслух, еврей спрятал часы, и из того же ящичка вынул сначала полдюжины других часов и рассматривал их с таким же точно удовольствием, как и первые, а затем, кольца, брошки, браслеты и множество

другого материала, отличавшегося замечательной отделкой. Оливер не имел об этих вещах ни малейшего понятия и не знал их названия.

Положив обратно все эти вещи, еврей взял еще какой-то небольшой предмет и положил его себе на ладонь руки. Надо полагать, что на нем была надпись очень мелкими буквами, потому что еврей положил его на стол и, отгенив одной рукой, долго и внимательно рассматривал. Отчаявшись, по-видимому, в успехе, он спрятал его, отклонился на спинку стула и снова забормотал про себя.

— Ах, какая это знатная штука, смертная казнь! Мертвые никогда не каются... мертвые никогда не выдают опасных тайн. Ах, какая это тонкая штука для нашего ремесла! Пятерых вдернули рядышком... Ни один не смалодушничал! Ни один!

Тут взор ясных черных глаз еврея, устремленный все время в пространство, остановился вдруг на лице Оливера. Глаза мальчика с необыкновенным любопытством смотрели на него, и хотя это продолжалось не более одного мгновения, то этого было достаточно для старого джентльмена, чтобы понять, что за ним наблюдают. Он прихлопнул крышку ящика, схватил хлебный нож, лежавший на столе и с бешенством вскочил со стула. Он дрожал всем телом, и Оливер, несмотря на страшный испуг, ясно видел, как дрожал нож в

его руке.

— Это что еще такое? — сказал еврей. — Как ты смеешь подсматривать за мной? Почему ты не спишь? Что ты видел? Говори всю правду, мальчик! Живей... живей! Если тебе дорога жизнь твоя!

— Я не мог больше знать, сэр, — отвечал Оливер кротко. — Мне очень жаль, что я огорчил вас, сэр!

— Ты проснулся час тому назад? — спросил еврей, бросив злобный взгляд на мальчика.

— Нет! О, нет! — отвечал Оливер.

— Ты уверен в этом? — крикнул еврей, — принимая угрожающее положение.

— Клянусь честью, сэр! Клянусь, что нет! — отвечал Оливер.

— Полно, полно, мой милый! — сказал еврей, переходя к прежней манере говорить и, поиграв немного с ножом, положив его на прежнее место. — Я и сам это знаю, мой милый! Я хотел поугаать тебя. Ты хороший мальчик. Ха-ха! Хороший мальчик, Оливер! — Еврей потирал себе руки и слегка хихикал, продолжая с некоторым смущением посматривать на ящик.

— Ты видел что-нибудь из этих красивых вещей, мой милый? — спросил еврей, прикрывая ящик рукой.

— Да, сэр!

— Ага! — сказал еврей, бледнея. — Все это

мое, Оливер, мое собственное. Я храню их, чтобы мне было чем жить на старости лет. Люди зовут меня скрягой, мой милый! Только скрягой, вот и все.

Оливер подумал, что старый джентльмен действительно скряга, если при таком количестве дорогих вещей живет в такой грязи. Затем он решил, что, быть может, любовь его к Доджеру и другим мальчикам заставляет его быть бережливым, а потому, взглянув на него с уважением, попросил позволения встать.

— Разумеется, мой милый, разумеется, — отвечал старый джентльмен. — Стой... там в углу подле дверей стоит кувшин с водой. Принеси его сюда, а я дам тебе таз и ты умоешься, мой милый!

Оливер встал, прошел через комнату и у дверей остановился на минутку, чтобы поднять кувшин. Когда он повернул голову, ящик уже исчез бесследно.

Не успел он умыться и все убрать, вылив грязную воду за окно, по указанию самого еврея, как пришел Доджер в сопровождении весьма оживленного молодого товарища, которого Оливер видел накануне с трубкой во рту и которого ему теперь формально представили под именем Чарли Бетса. Все четверо сели за завтрак, состоящий из кофе и горячих булочек с ветчиной, принесенных Доджером внутри своей шляпы.

— Ну-с, — сказал еврей, искоса поглядывая на Оливера и в то же время обращаясь к Доджеру, — надеюсь, что вам удалось поработать сегодня утром, мои дорогие!

— Здорово! — отвечал Доджер.

— Усердно! — прибавил Чарли Бетс.

— Добрые мальчики! Хорошие мальчики! — сказал еврей. — Что ты достал, Доджер?

— Пару бумажников, — отвечал молодой джентльмен.

— На подкладке? — спросил еврей.

— И на очень даже красивой, — отвечал Доджер, вынимая два бумажника, на зеленой и красной подкладке.

— Не так тяжелы, как бы следовало, — сказал еврей, осмотрев их тщательно внутри, — но очень аккуратно и чисто сделаны. Ловкий работник, не правда ли, Оливер?

— Да, сэр, очень, — отвечал Оливер, на что мистер Чарли Бетс расхохотался во все горло к великому удивлению Оливера, не видевшего ничего решительно смешного в том, что происходило кругом него.

— А ты что достал, мой милый? — спросил Феджин Чарли Бетса.

— Платки, — отвечал мистер Бетс, вытаскивая четыре платка.

— Прекрасно, — отвечал еврей, внимательно

рассматривая их. — Очень хорошего качества, очень. Ты не хорошо наметил их, Чарли; метки следует выкалывать иголкой, и мы научим Оливера, как это делается. Сделаешь нам это, Оливер? Ха-ха-ха!

— Если вам угодно, сэр! — отвечал Оливер.

— Хотелось бы тебе так же ловко добывать платки, как добывает их Чарли Бетс, хотелось бы? — спросил еврей.

— Очень даже, сэр, если вы научите меня, — отвечал Оливер.

Мистеру Бетсу и этот ответ показался смешным, потому что он снова разразился хохотом, который едва не кончился его преждевременным удушением, вследствие того, что кофе попал не туда, куда следует.

— Совсем дитя малое! — сказал Чарли, придя в себя.

Доджер погладил Оливера по голове и сказал, что мало-помалу он всему научится. Старый джентльмен, заметив, что Оливер вспыхнул, переменял предмет разговора и спросил, много ли публики было на месте казни? Это еще более удивило Оливера. Судя по ответам, оба мальчика были там, и он никак не мог понять, когда же они успели работать.

По окончании завтрака веселый джентльмен и оба мальчика занялись весьма любопытной и

необыкновенной игрой, которая велась следующим образом: веселый джентльмен положил табакерку в один из карманов брюк, записную книжку в другой, часы в карман жилета, а цепочку от них на шею; бриллиантовой булавкой он прикрепил ворота рубашки, плотно застегнул сюртук, а в карманы его положил платок носовой и футляр от очков; затем взял палку и заходил взад и вперед по комнате, изображая из себя старого джентльмена, гуляющего по улице. Он останавливался то у камина, то у дверей, делая вид, будто внимательно осматривает окна магазинов. По временам он оборачивался, чтобы подсмотреть, нет ли воров, и старательно шлепал себя по карманам, дабы удостовериться, не пропало ли что-нибудь. Все это он проделывал так забавно и естественно, что Оливер хохотал до слез. Оба мальчика тем временем непосредственно следовали за ним, стараясь, чтобы он не заметил их, а когда оборачивался, мгновенно отскакивали в сторону. Но вот Доджер выступил вперед и пошел ему навстречу; поравнявшись с ним, он как бы случайно наступил ему на ногу, а Чарли Бетс споткнулся на него сзади и в то же время с поразительной ловкостью и быстротой оба стащили табакерку, записную книжку, часы, цепочку, булавку, платок носовой и даже футляр для очков. Старый джентльмен осмотрел карманы и закричал, что у него все стащили.

Та же игра повторилась еще несколько раз, а вслед за тем в гости к молодым джентльменам пришли две молодые леди; одну звали Бет, другую Нанси. Волосы у обеих были замечательно густы, но не особенно красиво закручены на затылке; чулки и башмаки на них были грязные и рваные. Хорошенькими в настоящем смысле этого слова их нельзя было назвать, но лица у них были цветущие, и на вид они казались здоровыми и бойкими девушками. Непринужденные и вежливые манеры их очень понравились Оливеру и он подумал, что это очень хорошие девушки.

Посетительницы долго оставались в гостях. На столе поставили водку, потому что одна из молодых леди заявила, что она чувствовала, как внутри у нее все холодно. Все разговаривали очень весело и оживленно между собой. Наконец, Чарли Бетс объявил всем, что время и побродить теперь, после чего Доджер, Чарли и обе молодые леди ушли, получив предварительно несколько монет на гостинцы от любезного старого еврея.

— Видишь, милый мой, — сказал Феджин, — какая веселая жизнь у нас, не правда ли? Они ушли теперь на целый день.

— Они кончили уже свою работу, сэр? — спросил Оливер.

— Да, — отвечал еврей, — то есть, если неожиданно не попадется им чего-нибудь на пути, а

если попадется что-нибудь, то они, мой милый, ни за что не пренебрегают этим; все зависит от обстоятельств. Бери с них пример, мой милый, бери пример, — продолжал еврей, постукивая железной лопаткой, чтобы придать больше силы своим словам. — Делай все, что они тебе укажут и слушай их советов, особенно Доджера, мой милый! Он будет когда-нибудь великим человеком и тебя сделает таким же, если ты позволишь ему руководить собой. А что, голубчик, не висит ли мой платок носовой из кармана? — спросил еврей.

— Да, сэр! — отвечал Оливер.

— Попробуй-ка его вытащить так, чтобы я не почувствовал этого; ты видел ведь, как они это делали, когда мы играли утром.

Оливер придержал дно кармана одной рукой, как это делал Доджер, а другой осторожно вытащил платок.

— Вытащил? — воскликнул еврей.

— Вот он, сэр!

— Ловкий же ты мальчик, мой милый, — весело сказал еврей, одобрительно глядя Оливера по голове. — Я еще не видел такого способного мальчика. Вот тебе шиллинг. Если ты и вперед будешь так делать, то из тебя выйдет величайший человек в мире. А теперь иди сюда, я хочу показать тебе, как надо выводить метки из платков.

Оливер никак не мог понять, какое отношение

имеет карман старого джентльмена к тому, что он сделается великим человеком. Но, подумав про себя, что еврей его хозяин и, следовательно, должен все это знать лучше, последовал за ним поспешно к столу и скоро совершенно углубился в свое новое занятие.

Х. Оливер ближе знакомится с характером своих новых товарищей и приобретает опыт очень дорогой ценой

Несколько дней подряд не выходил Оливер из комнаты еврея и все это время выводил метки с носовых платков (которых за эти дни принесли очень много); иногда он принимал даже участие в вышеописанной игре, которою еврей и два мальчика забавлялись каждое утро. В конце концов, он стал томиться отсутствием свежего воздуха и при всяком удобном случае просил еврея разрешить ему пойти на работу вместе с двумя товарищами.

Оливер страшно волновался и не мог дождаться, когда, наконец, и он примет участие в работе, особенно видя, как строг и взыскателен был еврей. Если только Доджер или Чарли Бетс осмеливались прийти вечером с пустыми руками, он сейчас же делал им выговор, упрекая их в лени и

нерадивости, а в некоторых случаях даже отсылал их спать без ужина. Однажды он так рассердился на них, что обоих спустил с лестницы. Но вообще он почти не прибегал к такому внушению добродетельных принципов.

В одно прекрасное утро Оливер получил, наконец, позволение, которого так долго жаждал. Работы с платками совсем не было в течение двух-трех дней, и обед был очень скудный. Надо полагать, что старый еврей имел свои причины, давая такое разрешение; как бы там ни было, но Оливеру, во всяком случае, он позволил идти, поручив его надзору Чарли Бетса и Доджера.

Три мальчика вышли вместе; Доджер с завороченными кверху рукавами сюртука и с нахлобученной шляпой, Бетс с заложенными в карманы руками и между ними Оливер, который никак не мог понять, куда это они идут и какой отрасли промышленности он учится.

Шли они очень медленно, еле передвигая ноги, и Оливер начинал уже думать, что товарищи его сговорились надуть старого джентльмена и совсем не намерены работать. Его поразили, кроме того, порочные наклонности Доджера, который сталкивал шапки с головы маленьких мальчиков, сбивая последних с ног, и слишком своеобразные воззрения на права собственности Чарли Бетса, который то и дело стягивал с лотков, стоявших

местами в грязном переулке, то яблоки, то лук, пряча моментально их в карманы, которые находились, по-видимому, по всем направлениям его сюртука. Все это произвело такое неприятное впечатление на Оливера, что он собирался уже заявить о своем намерении вернуться назад, когда мысли его приняли несколько другое течение при виде таинственного поведения Доджера.

Они только что прошли небольшой двор, находившийся недалеко от открытого сквера в Клеркенуэлле, известного под странным названием «зеленый», когда Доджер вдруг остановился, приложив палец к губам. Вслед за этим он осторожно оттащил своих товарищей назад.

— В чем дело? — спросил Оливер.

— Тс! — отвечал Доджер. — Видишь ты того старика у книжной лавчонки?

— Старого джентльмена на той стороне? — спросил Оливер. — Да, вижу.

— Он нам на руку, — сказал Доджер.

— Как раз на руку! — многозначительно заметил мистер Чарли Бетс.

Оливер с величайшим удивлением взглянул сначала на одного, затем на другого, но ему не удалось предложить никакого вопроса, потому что его товарищи двинулись наискось через улицы и остановились позади старого джентльмена. Оливер на несколько шагов отстал от них, не зная, идти ли

ему дальше или вернуться обратно, и с безмолвным удивлением смотрел на своих товарищей.

Старый джентльмен отличался весьма почтенным видом; он был в напудренном парике и золотых очках. Одежда его состояла из сюртука бутылочно-зеленого цвета, с черным бархатным воротником, и белых брюк; под мышкой он держал красивую бамбуковую трость. Он взял с прилавка книгу и спокойно, как бы у себя в кабинете, читал ее. Он, видимо, очень заинтересовался книгой и так углубился в нее, что решительно ничего не видел, ни улицы, ни мальчиков, ничего, одним словом, кроме самой книги. Прочитав одну страницу, он переворачивал лист, читал дальше, затем переходил на следующую, и так дальше все с тем же интересом.

Каковы же были ужас и огорчение Оливера, когда он, стоя в нескольких шагах оттуда, увидел наяву, с широко открытыми глазами, как Доджер опустил руку в карман старого джентльмена и спустя секунду вытащил оттуда носовой платок! Увидел затем, как он его передал Чарли Бетсу, и как затем, оба бросились бежать во всю прыть и скрылись за углом.

Глаза его открылись в эту минуту и он понял тайну носовых платков, и часов, и драгоценных вещей, и еврея. Он стоял, а кровь кипела в его жилах от ужаса и ему казалось, что он горит в огне. Придя в себя, он от страха пустился бежать во все лопатки и, не сознавая, какой вред он наносит себе самому, все больше и больше прибавлял шагу.

Все это произошло в промежуток одной какой-нибудь минуты. В тот момент, когда Оливер

пустился бежать, старый джентльмен опустил руку в карман сюртука и, не найдя платка, оглянулся назад. Увидев удирающего во все лопатки мальчика, он, само собою разумеется, вывел заключение, что он и есть похититель. «Держи вора!» — крикнул он и, не выпуская книги из рук, пустился за ним вдогонку.

Но не один только старый джентльмен поднял этот крик. Доджер и мистер Бетс, не желая привлечь на себя внимание, если побегут по улице, скрылись в первых попавшихся воротах за углом. Как только они услышали крик и увидели бегущего Оливера, они тотчас же догадались, в чем дело и постарались извлечь из этого пользу. С громким криком «Держи вора!», они пустились преследовать его, как истые добрые граждане.

Несмотря на то, что Оливер был воспитан философами, он теоретически мало был знаком с прекрасной аксиомой, которая учит, что самосохранение есть первый закон природы. Знай он ее, он постарался бы заранее приготовиться ко всему. Но он не был подготовлен к тому, а потому страшно был огорчен, когда он мчался, как ветер, а по пятам его гнались старый джентльмен и два его товарища, кричавшие и ревелившие на все горло.

«Держи вора! Держи вора!» Слова эти, как и всегда, произвели магическое действие. Приказчик вышел из-за конторки; ломовик оставил повозку,

мясник отставил в сторону свой лоток, булочник свою корзину, молочник свое ведро, мальчик для посылок свои пакеты, школьник сумку с книгами, каменщик — кирку, ребенок — волан. И все это понеслось вперед, как попало, перегоняя, толкая друг друга, крича, свистя, наскакывая на прохожих, выходящих из-за угла, спотыкаясь на собак и приводя в недоумение птиц. И всему этому вторили и улицы, и скверы, и дворы.

«Держи вора! Держи вора!» Крик этот подхватывали сотни голосов и толпа увеличивалась на каждом повороте. Погоня усиливалась, летели брызги грязи, стучала мостовая, открывались окна, из домов и дворов выбегали люди, и вперед, все вперед неслась толпа; зрители на самом интересном месте бросили «Петрушку» и, присоединившись к бегущим, с удвоенной силой подхватывали крик: «Держи вора! Держи вора!»

«Держи вора! Держи вора!» В натуре человека лежит какая-то особенная страсть к преследованию. А бедный, несчастный мальчик, задыхаясь от усиленного бега, с трепещущим от страха сердцем, с выражением смертельного ужаса во взоре, с крупными каплями пота на лице, напрягал каждый нерв свой каждый мускул, чтобы перегнать своих преследователей. Но толпа нагоняла его, с каждой минутой выигрывая пространство и выражая радость свою по этому поводу громким криком,

шikanьем, визгом. «Держи вора!» Ах, держите его ради Бога, ради сострадания к нему!

Поймали наконец! Ловкий удар. Вот он на мостовой... толпа волнуется, жестикулирует... приходят новые зрители... они проталкиваются сквозь толпу... теснят ее, чтобы взглянуть на него. «Отойдите в сторону!» «Дайте ему больше воздуха!» «Пустяки! Не стоит он этого!» «Где джентльмен?» «Вот он, идет по улице!» «Дайте место джентльмену!» «Тот ли это мальчик, сэр?» «Да!»

Оливер, между тем, лежал покрытый грязью и пылью, изо рта у него шла кровь; он дико оглядывался кругом на лица окружавшей его толпы, когда стоявшие впереди люди пропустили к нему старого джентльмена.

— Да, — сказал джентльмен, — боюсь, что это тот самый мальчик.

— Боится! — пронесся шепот по толпе. — Какой он добрый!

— Бедняжка! — сказал джентльмен. — Он сильно ударился.

— Я ударил его, сэр! — сказал высокий, неуклюжий человек, выступая вперед. — Я хватил его кулаком по роже... Я остановил его, сэр!

Неизвестный притронулся к шляпе и ослабил ее, видимо надеясь на то, что ему дадут что-нибудь за труды. Но старый джентльмен

взглянул на него с отвращением и тревожно оглянулся кругом, как бы высматривая место, куда ему уйти. Весьма возможно, что это и удалось бы ему, если бы не полицейский, который в эту минуту протискался через толпу и, подойдя к Оливеру, схватил его за шиворот.

— Ну, ты, вставай, — сказал он грубо.

— Это не я, сэръ! Право, не я, это два мальчика, — сказал Оливер, протягивая к нему руки с мольбой и оглядываясь кругом. — Они здесь где-нибудь.

— Не видно их, — отвечал полицейский, говоря несколько насмешливо и не подозревая, что говорит правду. Доджер и Чарли Бетс еще некоторое время тому назад дали тягу через первый попавшийся двор. — Вставай же!

— Не обижайте, его, — сказал старый джентльмен.

— Не обижу, сэръ, — отвечал полицейский и в доказательство своих слов изо всех сил дернул мальчика за куртку. — Вставай! Знаю я всех вас хорошо. Встанешь ли ты, наконец, на ноги, негодяй!

Оливер еле мог стоять, и ему пришлось употребить невероятные усилия, чтобы встать на ноги. Полицейский взял его за шиворот и быстрым шагом повел по улице. Джентльмен пошел рядом с полицейским, а некоторые из толпы опередили их,

и то и дело оборачивались назад, чтобы взглянуть на Оливера. Сзади всех шли мальчишки и громко вскрикивали от восторга.

XI. О мистере Фенге, полицейском комиссаре, и о том, как совершается иногда правосудие

Преступление было совершено в округе, принадлежавшем к находившемуся поблизости полицейскому участку, одному из наиболее известных в столице. Толпа имела, таким образом, удовольствие проводить Оливера всего лишь через две-три улицы и через площадь Меттон-Гилль и видеть, как его повели крытым ходом, откуда он вышел на задний двор, небольшой и грязный, но мощный. На дворе его встретил здоровый мужчина с густыми бакенбардами и связкой ключей в руке.

— В чем дело? — спросил он.

— Охотника молодого поймали, — отвечал полицейский, державший Оливера.

— Не вас ли ограбили, сэр? — спросил мужчина с ключами.

— Да, — отвечал старый джентльмен, — только я не уверен, что именно этот мальчик взял мой платок. Я... я... хотел бы поскорее прекратить

это дело.

— Все же вам нужно пройти к комиссару, сэр! — сказал тюремщик. — Его милость разберет все в полминуты. Ну, ты, висельник!

Последние слова относились к Оливеру и означали приглашение войти в каменную тюремную камеру, где Оливера обыскали и, хотя ничего не нашли, все же заперли.

Камера видом своим и величиною походила на погреб, какие роют в земле, только несколько светлее. Грязь была в ней невероятная; был понедельник, а накануне в этой же самой камере сидели шесть пьяниц, которых арестовали еще вечером в субботу. В полицейские участки чуть ли не каждый день запирают мужчин и женщин, в буквальном смысле слова из-за ничего. Участки эти до того отвратительно содержатся, что камеры в Ньюгетской тюрьме, где сидят самые ужасные преступники, приговоренные к смертной казни, представляют собой дворцы в сравнении с ними. Кто сомневается в справедливости сказанного, пусть сам проверит и сравнит.

Старый джентльмен был так же печален, как и Оливер, когда ключ повернулся в замке. Он со вздохом взглянул на книгу, которая была невинной причиной всего случившегося.

— Есть что-то в лице этого мальчика, — говорил старый джентльмен, отходя от камеры и

прикладывая книгу к подбородку, — что трогает и интересует меня. Что, если он невинен? Он так походит... Быть не может! — воскликнул старый джентльмен, останавливаясь и подымая глаза к небу. — Помилуй нас, Господи! Да где же я видел похожее на него лицо?

Несколько минут ходил старый джентльмен глубоко задумавшись и, наконец, вошел в переднюю, дверь которой выходила во двор. Здесь он стал в угол и старался мысленно припомнить целый ряд лиц, скрытых уже много лет тому за туманной завесой его воспоминаний. — Нет, — сказал старый джентльмен, покачивая головой, — это не более, не менее, как одно только воображение!

И он снова задумался, стараясь восстановить в памяти прошедшее, но с него не так-то легко было снять завесу, давно уже спустившуюся над ним. Перед умственным взором его проходили лица друзей и врагов и много чуждых ему совершенно лиц, неизвестно почему выделившихся из толпы; лица молодых и цветущих девушек, теперь уже старух; лица, измененные смертью и скрытые могилой, но все еще живые в воспоминании, которое выше смерти, ибо восстанавливает образы в душе нашей в прежней их свежести и красоте, с ярким блеском глаз и чарующей улыбкой, с чудной душой, скрытой земной оболочкой. Оно

нашептывает нам, что красота души живет и за могилой, что она взята от земли лишь для того, чтобы превратиться в свет, указывающий нам путь к небу.

Но как ни старался старый джентльмен, он никак не мог припомнить ни одного лица, черты которого отразились бы в лице Оливера. И он с грустью отстранял от себя воспоминания и, будучи, к счастью для себя, рассеянным, успокоился и снова принялся за чтение книги.

Кто-то притронулся к его плечу; это был мужчина с ключами, который приглашал его пожаловать в контору. Он поспешил закрыть книгу и предстал перед внушительным мистером Фенгом.

Контора находилась в передней части здания и стены ее были выложены филленчатыми досками. Мистер Фенг сидел за перегородкой, а у дверей на небольшой деревянной скамеечке джентльмен увидел бедного маленького Оливера, который дрожал от страха при виде окружающей его обстановки.

Мистер Фенг был сухой, прямой, как палка, с неповоротливой шеей человек среднего роста; небольшое количество волос на голове покрывали ее только сзади и с боков. Лицо у него было красное, и выражение его — жестокое. Не имея он привычки пить больше, чем это было ему полезно, он смело мог бы подать в суд жалобу на свою

физиономию, обвиняя ее в диффамации, и мог бы взыскать с нее в свою пользу протори и убытки.

Старый джентльмен почтительно поклонился ему и, подойдя ближе, сказал, подавая ему визитную карточку: «Здесь мое имя и адрес, сэр!» — Затем он отступил на шаг или два, еще раз вежливо поклонился ему и ждал вопроса.

Случилось так, что в эту самую минуту мистер Фенг занят был чтением одной из утренних газет, где помещалась статья, трактующая недавно решенное им дело и советующая в триста пятидесятый раз Государственному Секретарю Министерства Внутренних Дел обратить особое и тщательное внимание на него. Это взорвало его, и он сердито взглянул на старого джентльмена.

— Вы кто такой? — спросил мистер Фенг.

Старый джентльмен с удивлением указал на свою визитную карточку.

— Полисмен! — крикнул мистер Фенг, с пренебрежением отталкивая карточку. — Кто он такой?

— Моя фамилия, сэр, — сказал очень вежливо старый джентльмен, — моя фамилия, сэр, Броунлоу. Прошу в свою очередь позволение узнать фамилию комиссара, который, прикрываясь законом, позволяет себе наносить ничем не заслуженное оскорбление лицу вполне почтенному и всеми уважаемому. — И сказав это, мистер

Броунлоу оглянулся кругом, как бы ожидая увидеть кого-нибудь, кто мог бы дать ему требуемое сведение.

— Полисмен! — продолжал мистер Фенг, бросая в сторону газету. — В чем обвиняется этот человек?

— Он ни в чем не обвиняется, ваша милость, — отвечал полисмен, — он явился свидетелем против этого мальчика, ваша милость!

Его милость знал это превосходно, но ему хотелось, пользуясь своей безнаказанностью, сделать, во что бы то ни стало, неприятность человеку.

— Свидетелем против мальчика, да? — сказал Фенг, презрительно смерив мистера Броунлоу с головы до ног. — Привести к присяге!

— Прежде, чем меня приведут к присяге, я должен сказать несколько слов, — отвечал мистер Броунлоу. — Никогда во всю жизнь мою не случилось со мною ничего подобного, и я не могу поверить...

— Придержите ваш язык, сэръ! — сказал мистер Фенг таким тоном, который не допускает никаких возражений.

— Нет, этого я не сделаю, сэръ! — отвечал старый джентльмен.

— Сию же минуту придержите ваш язык, в противном случае я прикажу вывести вас вон! —

сказал мистер Фенг. Вы дерзкий, наглый человек. Какое имеете вы право оскорблять судью!

— Что-о? — воскликнул старый джентльмен, и лицо его вспыхнуло.

— Приведите к присяге этого человека! — крикнул мистер Фенг своему клерку. — Ни слова! Приведите его к присяге!

Негодование мистера Броунлоу чуть не дошло до крайних пределов, но, вспомнив в эту минуту, что он может нанести вред мальчику, если не воздержится, он решил взять себя в руки и присягнуть.

— Теперь отвечайте, — сказал мистер Фенг. — Что вы свидетельствуете против мальчика? Что вы имеете сказать против него, сэр?

— Я стоял у прилавка с книгами... — начал м-р Броунлоу.

— Довольно, сэр! — сказал мистер Фенг. — Полисмен! Где полисмен? Приведите к присяге полисмена. Ну-с, полисмен, как было дело?

Полисмен униженно доложил ему, как он исполнил свою обязанность, как он обыскал Оливера, но ничего не нашел у него, и что больше этого он ничего не знает.

— Нет еще свидетелей? — спросил мистер Фенг.

— Нет, ваша милость! — отвечал полисмен.
Мистер Фенг сидел несколько минут молча, а

затем, возвышая постепенно голос, сказал, обращаясь к обвинителю:

— Можете ли вы в точности установить ваше показание против этого мальчика, или нет? Вы присягали. Если вы будете стоять, отказываясь дать показание, то я оштрафую вас за неуважение к закону. Я вас...

Что собственно хотел сказать мистер Фенг, осталось навсегда неизвестным, так как у клерка и у тюремщика начался в эту самую минуту сильный приступ кашля; первый к тому же уронил на пол очень тяжелую книгу, стук которой помешал слышать слова полицейского комиссара... Упала книга случайно, разумеется.

Несмотря на все эти перерывы и то и дело наносимые ему оскорбления, мистеру Броунлоу все же удалось дать показание. Он сказал, что очень растерялся в первую минуту и бросился бежать за мальчиком лишь потому, что тот также бежал; затем выразил надежду, что судья поверит тому, что мальчик не вор, а только, быть может, был знаком с ворами, а потому поступит с ним снисходительно, не применяя к нему всей строгости законов.

— Его и так уже били, — сказал старый джентльмен в заключение. — Боюсь, — прибавил он, поглядывая на мальчика, — боюсь, что он болен.

— О, да, разумеется! — сказал мистер Фенг с насмешливой улыбкой. — Ну ты, без притворств, бродяга ты этакий! Не поможешь этим. Как тебя зовут?

Оливер хотел ответить, но язык не повиновался ему. Он был смертельно бледен и ему казалось, что все кругом него вертится.

— Как тебя зовут, закоренелый ты негодяй! — спросил мистер Фенг. — Полисмен, как его зовут?

Слова эти относились к толстому, грубому на вид, старику в полосатой куртке, который стоял у перегородки. Он наклонился к Оливеру и повторил вопрос; но видя, что мальчик действительно не в состоянии понять вопроса, и зная, что судья придет в бешенство, если не получит ответа и вследствие этого усилит наказание, отвечал сам наудачу.

— Его зовут Том Уайт, ваша милость! — сказал он.

— Он не хочет отвечать, кажется? — сказал мистер Фенг. — Хорошо, очень хорошо! Где он живет?

— Где может, ваша милость! — отвечал полисмен, делая вид, что выслушал ответ.

— Есть ли у него родители? — продолжал мистер Фенг.

— Он говорит, что они умерли, когда он был совсем еще маленький, — отвечал наудачу полисмен.

В этом месте допроса Оливер поднял голову и, бросив кругом умоляющий взгляд, слабым голосом попросил дать ему пить.

— Глупости! — крикнул мистер Фенг, — нечего дурачить меня!

— Мне кажется, он в самом деле болен, ваша милость, — осмелился сказать полицейский.

— Мне это лучше известно, — отвечал мистер Фенг.

— Смотрите за ним, полисмен, — сказал старый джентльмен, невольно протягивая руки, — он сейчас упадет.

— Отойдите в сторону, полисмен, — крикнул мистер Фенг, — пусть падает, если ему нравится.

Пользуясь этим добрым позволением, Оливер упал на пол и потерял сознание. Бывшие в конторе люди переглянулись друг с другом, но не посмели двинуться с места.

— Я так и знал, что он притворщик! — сказал мистер Фенг, считая случившееся неоспоримым доказательством своих слов. — Пусть лежит, ему это скоро надоест.

— Как вы думаете поступить в этом случае, сэр? — тихо спросил клерк.

— Очень просто! — отвечал мистер Фенг. — Три месяца заключения... тяжелая работа, конечно. Очистить контору!

Дверь немедленно была открыта и два

человека подошли к бесчувственному мальчику, приговаривая унести его, когда в контору вошел пожилой человек, весьма прилично, но бедно одетый в старом черном костюме, и поспешил к столу.

— Погодите, погодите! Не уносите его! Ради всего святого, погодите! — сказал вошедший, еле переводя дух от волнения.

Хотя великий гений, председательствующий в таком, как это, присутственном месте пользовался полной и неограниченной властью над свободой, добрым именем, деятельностью и даже жизнью подданных ее величества, особенно над принадлежащими к бедному классу, хотя внутри этих стен ежедневно разыгрывались такие сцены, которые бы вызвали слезы на глаза ангелов, все это оставалось неизвестным обществу и лишь случайно попадало на страницы нашей прессы. Можете, поэтому, представить себе, в какое негодование пришел мистер Фенг, когда непрошенный гость нарушил порядок судебного производства.

— Что это значит? Кто этот человек? Вывести его вон! Очистить контору! — кричал мистер Фенг.

— Я хочу говорить! — кричал в свою очередь вновь пришедший. — Я не позволю себя вывести. Я все видел. Я содержу книжный магазин. Я прошу привести меня к присяге. Я не позволю себя устранить. Мистер Фенг, вы обязаны выслушать

меня. Вы не имеете права отказать, сэр!

Пришедший был прав. Речь его была решительна и дело становилось слишком серьезным, чтобы оставить его без внимания.

— Приведите к присяге этого человека, — заревел мистер Фенг, хотя и не особенно охотно. — Что вы имеете сказать?

— Вот что, — отвечал новый свидетель. — Я видел трех мальчиков; двух, которых здесь нет и этого вот арестованного. Они были на противоположной стороне улицы, когда этот джентльмен читал. Покража была совершена теми мальчиками. Я видел это и видел так же, что этот мальчик был поражен и испуган тем, что произошло.

— Почему же вы не пришли раньше? — спросил мистер Фенг, после небольшой паузы.

— Мне некого было оставить в лавке, — отвечал свидетель. Все, кто мог помочь мне, все присоединились к преследующим. Еще пять минут тому назад никого не было. Я бежал сюда всю дорогу.

— Обвинитель читал, говорите вы? — спросил Фенг после второй паузы.

— Да, — отвечал свидетель. — Вот эту самую книгу, которую он держит.

— А за книгу эту, — продолжал Фенг, — уплачено?

— Нет, — отвечал свидетель, улыбаясь.

— Бог мой, я совсем забыл об этом, — воскликнул старый джентльмен.

— Хорош, нечего сказать! А еще обвиняет бедного мальчика! — воскликнул Фенг, стараясь, но не особенно удачно, казаться сострадательным человеком. — Нахожу нужным сказать вам, сэр, что вы завладели этой книгой при весьма подозрительных и неблагоприятных обстоятельствах. Счастье ваше, что владелец ее не желает вас преследовать. Пусть это будет вам уроком, мой милый, не то будете отвечать перед законом. Считать мальчика по суду оправданным! Очистить контору!

— Черт возьми! — крикнул старый джентльмен, не будучи в силах сдерживать давно уже овладевшее им бешенство. — Я...

— Очистить контору! — крикнул Фенг. — Слышали, полисмены! Очистить контору!

Приказание было исполнено, и мистера Броунлоу вывели вон с книгой в одной руке и бамбуковой тростью в другой, не обращая внимания на негодующие протесты его. Он вышел во двор, и тут чувство личного оскорбления моментально прошло у него. Он увидел маленького Оливера Твиста, который лежал на спине, прямо на камнях, с расстегнутой на груди рубашкой и мокрой от воды головой; лицо его было смертельно

бледно и судорожная дрожь пробежала по всему его телу.

— Бедный мальчик! Бедный мальчик! — сказал мистер Броунлоу. — Карету, ради Бога, кто-нибудь из вас! Сюда прямо!

Карета приехала, и Оливера бережно уложили на одно сиденье, а старый джентльмен сел на другое.

— Позвольте мне сопровождать вас? — сказал книгопродавец, заглядывая в карету.

— Бог мой, разумеется, да, сэр! — сказал мистер Броунлоу. — Я забыл вас. Боже мой, Боже мой! У меня до сих пор еще эта несчастная книга. Входите же! Бедный мальчик! Нельзя терять ни одной минуты!

Книгопродавец сел в карету, и она двинулась вперед.

ХII. Об Оливере заботятся так, как никогда еще о нем не заботились. На сцену снова выступает веселый старый джентльмен и его молодые друзья

Карета катилась быстро почти по тому же самому пути, по которому Оливер впервые входил в Лондон в сопровождении Доджера, но доехав до

Энджеля у Айлингтона, она повернула совсем в другую сторону и остановилась, наконец, у красивого дома в тихой и покойной улице вблизи Пентонвиля. Здесь, не теряя ни единой минуты, приготовили для мальчика постель, на которую его под наблюдением мистера Броунлоу нежно и осторожно уложили, и затем ухаживали за ним с безграничной добротой и внимательностью.

Прошло много дней, в течение которых Оливер оставался нечувствительным ко всем заботам своих друзей. Солнце всходило и заходило, снова всходило и заходило и много дней подряд, а мальчик все лежал, вытянувшись на постели, во власти всеразрушающей лихорадки. Никогда червь с такою верностью не источит мертвого тела, с какою медленно пожирающий огонь лихорадки разрушает оболочку живого существа.

Слабый, исхудалый, бледный пришел он в себя после долгого и тяжелого сна. С трудом приподнявшись на постели и поддерживая голову дрожащей рукой, со страхом оглянулся он кругом:

— Что это за комната? Куда меня принесли? — сказал он. — Я никогда здесь не спал.

Слова эти он произнес слабым, едва слышным голосом, а между тем их услышали. Занавес кровати раздвинулся и старая леди с добрым лицом, одетая очень чисто и просто, встала с кресла у самой кровати, на котором она сидела и что-то

шила.

— Тише, дорогой мой! — нежно оказала старушка. — Ты должен лежать покойно, если не хочешь слова заболеть. А ты был очень болен... так болен, как уж больнее нельзя и быть. Ложись... вот так, дорогой мой!

И с этими словами старушка нежно уложила голову мальчика на подушку, поправила ему волосы, чтобы они не падали на лоб, и так ласково, с такой любовью заглянула ему в лицо, что он не мог удержаться и, взяв ее руку, своей маленькой исхудалой рукой, обвил ее вокруг шеи.

— Спаси нас Господи! — сказала старушка со слезами на глазах. — Какое благородное дитя! Ах, ты милый крошка! Что бы чувствовала его мать, если бы сидела у его кровати, как я все это время сидела!

— Она, может быть, видела меня, — прошептал Оливер, складывая руки. — Она, может быть, сидела подле меня. Я чувствовал, что она сидела.

— Это ты бредил в лихорадке, милый мальчик! — сказала старушка.

— Может быть, — отвечал Оливер. — Небо очень далеко отсюда; все они там очень счастливы и не захотят спуститься вниз, чтобы посидеть у кровати бедного мальчика. Знай она, что я болен, она пожалела бы меня; она тоже перед смертью

была очень больна. Впрочем, она ничего не знает обо мне, — прибавил Оливер после минутного молчания. — Если бы она видела, как меня колотили, она очень бы горевала, а между тем лицо у нее было всегда такое веселое и счастливое, когда я видел ее во сне.

Старушка ничего не отвечала на это; она вытерла сначала глаза, затем очки и принесла Оливеру прохладительное питье. Погладив его нежно по щеке, она сказала ему, чтобы он лежал покойно, если не хочет заболеть снова.

Оливер старался лежать покойно частью потому, что ему хотелось исполнять все, что ему говорила старушка, а частью потому, что разговор утомил его. Вскоре он уснул и снова проснулся от свечи, которую держали у его кровати. При свете ее он увидел какого-то джентльмена, который держал в одной руке большие, громко тикающие часы, а другою пробовал его пульс и говорил, что ему гораздо лучше.

— Правда, голубчик, тебе гораздо лучше? — спросил он.

— Да, сэр, благодарю вас, — отвечал Оливер.

— Да, я знаю, что лучше, — сказал джентльмен. — Ты голоден, не правда ли?

— Нет, сэр! — отвечал Оливер.

— Гм! — сказал джентльмен. — Нет? Я знал, что нет. Он не голоден, миссис Бедуин! —

продолжал джентльмен с необыкновенно глубокомысленным видом.

Старая леди почтительно склонила голову, как бы желая этим показать, что она всегда смотрела на доктора, как на очень умного человека. По-видимому, и сам доктор был такого же мнения о себе.

— Ты хочешь спать, голубчик? — спросил он.

— Нет, сэр!

— Нет! — сказал доктор с довольным и уверенным в себе видом. — Не хочешь спать. А пить? Хочешь?

— Да, сэр, очень хочу.

— Так я и знал, миссис Бедуин, — сказал доктор. — Очень естественно, что ему хочется пить. Дайте ему немного чаю, ма'ам, и кусочек сухого хлеба без масла. Не держите его слишком тепло, ма'ам! Обращайте также внимание и на то, чтобы ему не было слишком холодно. Будете так добры?

Старая леди ответила ему почтительным поклоном. Доктор попробовал холодное питье, одобрил его и поспешно вышел из комнаты; сапоги его скрипели крайне внушительно, когда он спускался с лестницы.

Оливер уснул вскоре после его ухода и когда проснулся, было уже около двенадцати часов. Старая леди ласково пожелала ему спокойной ночи

и передала его на попечение только что вошедшей толстой старушке, которая принесла мешочек с молитвенником и большой ночной чепец. Последний она надела на голову, а первый положила на стол и, объявив Оливеру, что она пришла дежурить подле него ночью, придвинула кресло к самому камину и тотчас же погрузилась в сон, прерываемый кивками головы вперед, легкими всхрапываниями и мычаньем. Но это, по-видимому, нисколько не мешало ей и она, потеряв свой нос, снова засыпала.

Томительно тянулась эта ночь. Оливер лежал с открытыми глазами, считая на потолке маленькие светлые кружочки, отражаемые горевшим ночником, или следя усталыми глазами за изгибами линий на рисунке обоев. Было что-то торжественное в полумраке и тишине комнаты и торжественность эта навела мальчика на мысль, что здесь носилось веяние смерти, что она царила здесь в течение многих дней и ночей, что, быть может, страшный, наводящий ужас на душу призрак ее витает еще здесь в сумраке ночи. Мальчик повернулся лицом на подушку и стал с жаром молиться Богу.

Мало-помалу он заснул глубоким сном, целителем всех страданий, тихим и мирным сном, при виде которого бывает жаль разбудить спящего. Кто, будь это даже непробудный сон смерти,